

Мама, Фока, мышь... (повесть)

Описание

Эта повесть основана на реальных событиях моей жизни. Некоторые имена я изменила. Для меня эта повесть о любви и вере и в первую очередь я посвящаю ее любимым. Так же она посвящается всем тем, кто старается сохранить любовь, несмотря на обстоятельства жизни.

Написанием этой повести я не ставила перед собой цель оскорбить или унижить, а хотела поделиться личным опытом, чувствами, мыслями. Надеюсь, она окажется для кого-то поддержкой или темой для размышления. А для тех, кто узнает в мышке себя, есть заключительное слово.

В повести присутствуют сцены употребления табака и алкоголя, что не является пропагандой. Автор предупреждает, что курение и употребление алкоголя вредят здоровью.

Поддаваясь бушующим волнам,

Доверяя вихрю судьбу,

Ты сидишь в маленькой лодке

И молишься тихо Ему.

Ты считаешь, что Он всемогущий,

И что Он сможет помочь.

Ты пытаешься силой слова,

Сказать: «Я пожить не прочь»...

Ночь.

Я лежу в темноте. За окном мартовская ночь тысяча девятьсот девяносто второго года. На кухне горит свет и слышен мамин плач. От каждого её всхлипа вздрагивает в груди и мне жутко и страшно, что я могу быть виновата в нём. Я ведь плохая дочь, выродок, и часто огорчаю маму. Иногда ей так сложно, что она хочет отдать меня в детдом, но все еще терпит, хотя я и не благодарная. Я люблю маму, как могу и очень хочу пойти к ней, утешить ее, но это уже было много раз. Мама часто плачет по ночам. В итоге окажется, что у меня ничего нет, для того, чтобы ей стало лучше, а мне, абсолютно точно, станет хуже. А завтра контрольная по математике.

Меня зовут Василина и мне скоро двенадцать лет. И уже пару лет я ищу себе другое имя. Ведь это имя — «Василина» очень красивое и его никак не испортишь, не поругаешь. Правда иногда старший брат называет меня «Василинище» и мы над этим хохочем, но это бывает очень редко. Он сейчас в армии. В остальное время я Василина, Василинка или выродок или мышь. Выродок и мышь мне тоже не нравятся, потому что после них Василина ещё невыносимее.

Мы с мамой живем в панельном доме на втором этаже, в обычной двухкомнатной квартире, но в одной комнате. Вторая комната принадлежит моему брату Саше. У нас дома много книг и кукол, но мне их трогать нельзя, потому что они мамины. Но когда долго сидишь в одиночестве и уроки уже сделаны, очень хочется поиграть или почитать. Кукол я стараюсь не трогать, потому что, как только беру их в руки,

сразу же хочу их постричь на лысо. Так я уже испортила двух кукол. Не знаю, почему так, но это желание просто невыносимое. А вот в книге я ничего испортить не могу, поэтому тайком много читаю. Книга — это целый безопасный мир. Главное — успеть поставить её на место.

Когда я не заперта дома, я нахожусь в школе. У меня хорошие оценки и есть любимые учителя, но с ребятами я иногда конфликтую. Раньше они часто ко мне приставали: то носки у меня неправильные, то я странная, то портфель старый. Но потом я начала давать им отпор, и они отстали. Теперь у меня в каждом классе есть свое место — на последней парте, где я сижу одна и куда редко кто оборачивается. Зато мне все оттуда видно, и если кто-то мешает учителю, я могу его быстро успокоить, даже учебником двинуть, но я стараюсь без нужды не бить. Мне не нравится, когда кому-то плохо, а когда кто-то плачет, я вообще ненавижу.

Зато с учителями я хорошо лажу. Мне нравится, что они такие спокойные, рассказывают что-то новое, и потом можно об этом думать. Я много вопросов задаю, и они спокойно отвечают. Жаль только, что они домашку задают. Ее потом делать нужно и проверять. Бывает, по каждому предмету приходится выполнять задания, а значит, несколько часов сидеть над этим, а потом несколько часов их проверять. Проверять — это самое ужасное.

Всё же не могу стерпеть мамины всхлипы, опускаю ноги на холодный пол и в потемках пытаюсь нащупать тапки. Фока тоже проснулась. Это моя кошка. У неё смешная окраска: будто надела черный кафтан, из которого выбивается белая рубаха, а на лапах — белоснежные перчатки и носки. Фока появилась у нас сразу после пожара. Её подарили маме вместо погибшего Васьки. Но Фока выбрала меня, и теперь она — мой лучший друг. Она сидит рядом на подлокотнике моего раскладного кресла и умывается, по ходу не забывая и меня пару раз лизнуть.

Я встаю, выхожу из комнаты и иду по коридору через прихожую. Справа — пустая комната брата. На пороге кухни нерешительно замираю, жду, когда мама меня заметит. Она сидит за столом, перед ней разложены карты, и горько плачет,

закрыв лицо руками. Так проходит пара минут. Мне каждый раз больно, когда вздрагивают её плечи. Не выдерживаю:

— Мамуля, — тихонько зову я. — Что случилось?

— Что тебе? — всхлипывает она, не глядя на меня. — Я тебе сколько говорила, чтобы ты не лезла.

— Но ты плачешь... я хотела тебе помочь.

— Не лезь, пока не позвали, — всхлипывает она и тут же добавляет: — Я никогда ни у кого помощи не просила и не буду!

От этих слов мне становится её очень жалко, и я бросаюсь к ней и крепко обнимаю её голову, прижимаю к себе.

— Прошу тебя, мамочка, не плачь, все будет хорошо! — скороговоркой говорю я.

— С чего?! — мама возмущенно отталкивает меня. — С чего будет хорошо?! Вон, карты все сказали! Денег не будет! А мужика мне не найти. Им только одно надо, а у меня вас двое! Мужикам дети не нужны! Ладно, Сашка уже взрослый! А ты? Кто тебя тянуть будет?

— Мамочка, я сама себя тянуть буду! — я опять пытаюсь её обнять, но она вновь отталкивает меня, сгребает со стола карты и встает, чтобы поставить чайник на плиту.

— Ты? — усмехается мама. — Ты еще долго работать не будешь. А потом бросишь меня, как твой папаша, выродок!

— Не брошу! — вскрикиваю я. — Я тебя никогда не брошу! Я пойду работать! Я тебя люблю....

Мама машет на меня рукой:

— Что такое любовь? — с тяжелым вздохом спрашивает она и бросает долгий взгляд в темное окно. — Я не знаю, что такое любовь.

— Любовь — это великая сила! – выпаливаю я. – Она исходит от Бога, оживляет все, дарит смысл и радость! – Не знаю, откуда я всё это взяла, но я уверена в этом на сто процентов. — Я люблю тебя! Люблю Сашу! Люблю....

— Хватит! – резко вскрикивает мама. – Хватит нести эту чушь! Никто в любовь не верит, только дуры вроде тебя. В этой жизни самое главное — деньги!

— Но ты же говорила, что мой папа тебя очень любил, даже руки на себя накладывал из-за тебя.

— Любил, — согласно кивает она. – И что? Я-то его нет. Если бы не твоя бабка Люба, я бы за него ни за что не вышла.

Мне сразу становится очень грустно. Мой пыл уходит, я чувствую слабость и присаживаюсь на краешек стула. Моя бабушка Люба уже умерла, но я её хорошо помню и очень люблю. Мы часто были вместе, когда я была совсем маленькой, и в памяти остались ее мягкие руки, сладкий запах карамели, её гладкие и блестящие волосы, тёплые глаза и голос.... Всё это я храню внутри себя, в золотом облаке. Это сложно объяснить, но так уж оно есть.

— Уж как она меня умоляла, обещала, что квартира у нас будет, а в итоге что? – продолжает мама.

— Но у нас же есть квартира, — бормочу я.

— У нас квартира? – мама бросает на меня гневный взгляд. — У меня квартира! Потому что её дали мне! Это моя квартира, запомни! Хочешь жилье? Обеспечь себе жилье! Халява! Вся в своего папашу! Выродок! Ничего ты в этой жизни не сможешь! Тоже станешь пьяницей, и сдохнешь в канаве!

— Прости меня, — говорю я и тянусь к ней, в надежде, что сейчас она успокоится.

Но тут её окончательно прорывает:

— Посмотри на себя! Что это?! – Она хватается меня за рукав ночнушки, потом за подбородок, заставляет встать. — Почему ты такая уродина?! – трясёт она меня за лицо. – Посмотри на себя! Три волосины висят! Вечно бледная! Выродок! Мышь бесцветная! На девочку совсем не похожа! Воняешь! Ты что не моешься! У всех девочки как девочки, а у меня.... Не моя порода, не моя! От них ты! И там не нужна!

Я совсем не чувствую ног от холода. Он уже захватил икры и попу и ползёт по спине. А еще мне не хватает воздуха, и я хватаю его ртом, а он, оказывается, кончился во всем мире.

— Я вчера вечером мылась, — выдавливаю я из себя, борясь со слезами. Я ненавижу себя за то, что я выродок, а мама ненавидит, когда я плачу.

— Ты ничего не сможешь в этой жизни! Запомни это! Ты ни на что не способна! Да еще и страшная! Повезёт, если хорошего мужика найдешь! Но имей ввиду, им дети не нужны! Либо мужик, либо дети. Козлы они все! Не реви!

— Я сама себя буду обеспечивать, — отвечаю я и злюсь на себя за своё уродство, за несоответствие породе, за то, что не могу сдержать слёз.

— Ты?! Не смеши мои тапки! Ты обеспечивать. Как?

— Я писателем стану!

Мама громко, заливисто смеется, запрокинув голову. Это как музыка. Я тоже улыбаюсь. Моя цель достигнута, и мама больше не плачет. Потом она вытирает свои щеки, глядит на меня. Её лицо разгладилось, в глазах искры веселья:

— Ты?! Ты же дура! – радостно восклицает мама. Её верхняя губа дергается и расплывается в улыбке. – Обычная мышь, ничтожество и уродина! Ты говорить-то не умеешь! У папаши всего восемь классов было, и ты дура получилась.

Я проглатываю все эти слова, как обычно и они проходят по горлу, как сухой комоч хлеба.

— Валентина Васильевна сказала, что у меня есть талант, который надо развивать, — возражаю я. Валентина Васильевна Лазарева — это моя учительница русского языка и литературы. Оттого, что за моей спиной незримо присутствует её образ, я наполняюсь решимостью. – Мы будем на продленке заниматься, и я научусь хорошо писать.

Мама наклоняется ко мне, хмыкает и улыбается одним уголком рта:

— Да твоя учительница ничего не понимает и о тебе не думает. Она просто так ляпнула. У неё таких идиотов сто человек! Писателем.... Все наврала она тебе! К

тому же.... О чем ты можешь написать?!

Я стою и думаю о том, что всё это неправильно, что мама ошибается. Не стала бы моя учительница врать. Я думаю, что смогу доказать маме, и тогда она удивится и будет гордиться мной. Тогда она признает, что никакая я не мышь и тем более не выродок. Она поймет, что такое любовь и что я — её дочь. И мне не надо будетдохнуть в канаве.

— Я могу написать о тебе, — говорю я и уже представляю, как сделаю маму героиней, амазонкой, стойко переносящей невзгоды и лишения. Она будет вождем, будет носить тигриные шкуры и танцевать у огня после удачной охоты. Но мамино лицо заставляет меня вынырнуть из мечтаний. Она распахивает глаза, поджигает губы, ноздри её трепещут. Мама в гневе:

— Только попробуй! – угрожающе говорит она, и её голос больше походит на рык. Схватив меня за ночнушку, она притягивает к себе: — Я тебя своими руками задавлю! Слышишь? Я тебя уничтожу. Уж я найду способ.... Я о тебе такое расскажу.... Ты будешь для всех чудовищем, никто не захочет с тобой знаться. Все будут на моей стороне. Не сомневайся. Ты вылезла из меня, ты — мое говно! Запомни: я тебя породила, я тебя и убью!

— Мама, — хнычу я, и слезы текут по щекам, — не надо.... – Мама кажется мне огромной, как великан, а я дрожу в её сильных руках, точно кукла, её кукла. Лучше бы я к ней не приходила.

— Поплачь, поплачь, поменьше пописаешь, — она отпускает меня, подталкивает к выходу из кухни: — Иди с глаз моих. Ненавижу баб.

Я плетусь по коридору, мимо комнаты брата, залезаю на своё кресло и прячусь с головой под одеяло. Меня трясет, наверное, от холода, и я прячу ледяные руки между бёдер. Ко мне пролезает Фока, носом ощупывает моё лицо, лижет шершавым языком переносицу, начинает мурлыкать. Я её обнимаю, прижимаю к себе. Как же хорошо она пахнет! И сама она вся такая мягкая и теплая. С ней моя жизнь кажется лучше. Скоро становится душно. Я высовываю наружу только нос, потому, что нужен воздух, а всё остальное.... Всё остальное я прячу под одеялом.

Утро.

Я лежу в полумраке и смотрю в потолок. С кухни раздаются звуки посуды, воды и готовки. Как обычно, я думаю о маме. У неё скоро день рождения, через двадцать дней. Я не знаю, сколько лет ей исполняется. Мама говорит, что ей всегда тридцать пять. Но зато я знаю, что нужно будет много готовить и убирать, а потом мама даст мне какое-нибудь платье, купленное к этому случаю. Я опять буду «как куколка». И будет большой праздник, как всегда. И брат приедет, но если не приедет, то точно позвонит прямо рано утром. И тетя приедет, с моими сестрами и еще разные люди будут, и буду я опять Василинкой, любимой дочей. Ненавижу.

Сегодня я проснулась на пять минут раньше. Голова болит, тяжёлая, после ночных слез. В сумраке мартовского утра светятся электронные часы. Но всё же я довольна. Мне нравится просыпаться раньше, потому что так я не пугаюсь, когда мама включает свет. Я слышу, как она варит кашу, и сладковатый запах молока с геркулесом вызывает во мне тошноту. Я думаю о том, что нужно учесть время на туалет, и чай пить нельзя.

Мама идет по коридору, её тапки шаркают по полу, и она всё время тяжело вздыхает. Удар по выключателю, ярко вспыхивает свет и она вскрикивает:

— Подъём! Пять минут! Не забудь снять бельё!

Я уже вскочила, схватила одеяло, принялась стаскивать пододеяльник. Хорошо, что каждое лето я провожу в пионерских лагерях. Там меня ко всему приучили, и теперь всё это мне не сложно. На простыне лежит Фока и растерянно смотрит на меня сонными глазами. Я улыбаюсь ей, глажу её по голове. Мама все это время стоит в дверях, наблюдает за мной.

— Ага, — говорит она. – Гладь, гладь. А твой папаша, выродок, их убивал. В наволочку и об угол. Он и тебя прибить хотел, да я не дала. Защищала тебя, пока он меня ногами по животу бил. Сашка тогда даже за нож схватился, чтобы меня защитить. – Ее слова окружают мою голову, гудят, пытаются залезть в уши, но я

стараюсь не обращать на них внимание. Я все это слышу каждый день, и хоть не была свидетелем, но могу представить все в ярких красках. Могу, но не хочу. Не хочу....

Я беру кошку на руки, и она блаженно тянется, как будто сделана из мягкой, теплой тянучки, слегка мурлычет. От этого мне хорошо. Я кладу ее в соседнее кресло, но она тут же спрыгивает и возвращается обратно на простынь.

— Зараза! – возмущается мама. Она подходит к моему разобранному креслу и шлепает кошку под попу. – Ну, пошла! – и Фока исчезает под диваном. А я уже стаскиваю простынь, складываю ее в аккуратную стопку грязного белья. Наконец, кресло собрано, белье в ванной. Я сажусь завтракать.

Первые ложки каши кажутся приятными. Мама когда-то училась на повара, и готовит она действительно вкусно. В высоком стакане — крепкий чай, но я его пить не собираюсь.

— Чего чай не пьешь? – хмуро спрашивает мама. На столе разложена её косметика, и она быстро и ловко красит глаза. У неё маленькая коробочка с черной краской, в неё нужно плевать, а потом энергично водить там щеточкой, чтобы потом этой жижей красить ресницы.

— Выпью, — отзываюсь я и почти доедаю кашу. Времени мало, скоро мне станет плохо. От молока мне всегда плохо, но мама говорит, что каша полезна. Раньше меня от молока рвало, но мама мне рвоту запретила. Теперь тошнота сразу переходит в боль, а боль — в понос. Я смотрю на часы. У меня всего двадцать минут на туалет. И тут меня настигает первая резь. Я терплю, прищуриваю глаза и позволяю боли провалиться в глубину, застыть на дне живота.

— Что? – мама внимательно на меня смотрит. – Не нравится каша? Сама будешь готовить.

— Нравится, — бодро отвечаю я и отправляю в рот последовательно три ложки подряд.

Мама удовлетворенно кивает и вновь сосредотачивается на зеркале. Теперь она берет иголку и начинает разделять реснички. Мне осталось совсем чуть-чуть и до туалета, и до того, как мама уйдет на сутки. Нужно продержаться.

— В холодильнике рыба кошке, — говорит она. — Есть хлеб и яйцо, пожаришь. Тётя Ира тебе откроет. И чтобы нигде не задерживалась. Поняла? Я все равно узнаю!

Я киваю. Уже жутко крутит живот. Последняя ложка каши размазана по тарелке, но её тоже нужно доесть. Мама внимательно следит за мной. Я доскребаю беловато-кремовую кашу в ложку и отправляю в рот. Мама встаёт, забирает тарелку и на минуту выходит из кухни. Я быстро выливаю чай в раковину. Чуть-чуть оставляю на дне, чтобы казалось, что я не допила. Мама входит как раз в тот момент, когда я ставлю чашку на край раковины. Она недоверчиво заглядывает в чашку.

— Помой за собой, — говорит она, но я понимаю, что не смогу удержать в себе кашу ещё пять минут.

— После туалета! – вскрикиваю я и бегу на горшок.

— Зараза! Не в коня корм! – слышу я вдогонку. – В тебе ничего не держится, выродок! Сколько я могу с тобой мучиться? Кто потом унитаз мыть будет? Чтобы намыла! Если я из-за тебя опоздаю.... Ты ранец собрала?

— Да, мама, — мычу я. Меня трясёт, и голова сама качается из стороны в сторону. Спазмы расходятся волнами от пупка, закручиваются и стремительно скатываются вниз. Но я знаю, скоро мне станет лучше. Нужно терпеть. Не злить маму. Хорошо, что я чай не пила. Крепкий чай как-то оттягивает понос. Однажды я чуть в классе не обделалась. Хорошо, что другие дети со мной боятся связываться, а учитель меня сразу отпустила.

— Свои вонючие трусы потом в грязное белье положи. Думаешь, это приятно? Вечно ты воняешь! Все это от твоего отца! Он тоже вонял! – Мама ходит по квартире, собирается на работу. Я слышу, как она пшыкает на себя духами, много. Маме нравится, когда запах духов очень сильный. А мне не нравится. Из-за этих духов я забываю, как пахнет сама мама. — И зубы у тебя гнилые из-за него! У него вечно гнилые зубы были! У тебя и походка, как у него – выродки! Наверное, и

обсираешься из-за него! Как ты меня достала!

Живот потихоньку успокаивается. Пришла Фока, лапой открыла дверь. Забралась ко мне на колени. Я ей говорю:

— Воняет же, глупая.

А она ложиться и начинает мурлыкать.

Школа.

В школе куча народу. Все толкаются в раздевалке, потом на лестнице, потом в коридоре у класса. Кабинеты закрыты, учителя приходят только за минуту до звонка. И все дети выстраиваются в очередь вдоль стены. Впереди, у самой двери, стоят любимчики учителей, отличники. Таких редко увидишь в столовой. У них обед дома. За ними группа девочек. Некоторые из них пахнут духами и уже красят губы. Правда, если учитель заметит, отправит умываться. Затем несколько обычных парней и девчонок. С ними мы иногда переговариваемся, обмениваемся домашкой, обсуждаем какие-то вопросы. Потом стою я. Одна. У меня пока нет подружки. Я пыталась дружить с девчонками, но они часто после школы время проводят вместе, а мне надо домой. Так что я стою одна, а за мной всегда стоит группа мальчиков, человека три-четыре, в зависимости от того, болеет кто-то из них или нет. Кажется, будто у них портфели больше их самих. Это такие мелкие мальчики, которых вечно все шпыняют.

— Что ты здесь развалился?! – слышу я и оборачиваюсь.

Это местный хулиган Минин. Он, конечно, не мог пройти мимо. Он пинает портфель Кости Смирнова — бледного, худого мальчика, маленького роста. Смирнов уже прижался ко мне, и я ощущаю его мокрую, холодную руку, которая слегка касается моей руки. Это вызывает во мне сильную тревогу, и Минин — ее причина.

— Слышь..., – говорю я Минину. – Вали отседа.

— А то что? – усмехается он.

Минин — второгодник. Он крупнее всех нас, даже любимчиков. Но мне как-то всё равно. Во-первых, меня бесит, когда к маленьким пристают. Найди себе противника по размеру, трус! Во-вторых, я драки не боюсь. Даже если меня поколотят, я точно успею ударить один раз. И еще неизвестно, насколько удачным будет этот удар и, может, никакой драки не будет. А в-третьих, скоро урок начнется, и Минин ничего не успеет.

— Это у тебя мать в тюрьме работает? – усмехается Минин и бросает мне в лицо: – Зечка!

— Она работает в милиции, — отвечаю я.

Вообще-то она и правда работает в тюрьме. Но всем посторонним я должна говорить, что мама работает в милиции. А если будут приставать, нужно говорить, что у нее звание майора или капитана – я вечно путаю.

— У тебя еще имя такое стрёмное, — продолжает усмехаться Минин и постукивает носком ботинка по портфелю Смирнова. Тот дрожит и уже крепко прижимается ко мне. Его друзья сбились в кучку чуть поодаль и почти испарились. На фоне стены выделяются только их не моргающие глаза-блюдца. Простые ребята молча наблюдают за нами. Девочки, от которых пахнет духами, отошли и встали ближе к любимчикам. А те и вовсе нас не видят, у них другое мировое пространство.

— Это у тебя имя стремное! – с вызовом бросаю я, потому что вижу, что к нам приближается учительница по математике. Минин, кажется смущен. Он хмурится, кусает губу.

— Так! Минин! Быстро к своему классу! – строго говорит учительница.

Хулиган недовольно уходит, оглядывается, что-то показывает Смирнову на пальцах.

— Отвали! – толкаю я Смирнова и зачем-то добавляю, — от тебя воняет!

Мы все заваливаемся в класс, рассаживаемся, начинается контрольная работа. Где-то в середине учебного часа у меня немного идет носом кровь, и приходится выйти, чтобы привести себя в порядок. Когда я возвращаюсь, вижу, что на столе лежит

скрученная бумажка. Я её разворачиваю, а внутри — талон в столовую. Конец месяца, мои талоны почти закончились, думала, что придется давиться гречкой. А тут.... Может, подарок от Смирнова? Если так, то он дурак! Прячу талончик в карман и почему-то улыбаюсь.

После уроков иду домой. От школы до дома метров двести. Тётя Ира уже стоит на балконе, ждёт меня. Я вспоминаю, что до этого была другая тётя, а до этого еще одна. Уже пятый год, меня встречают, чтобы впустить и запереть. Мама говорит, что это для моей безопасности, что в мире одни уроды и выродки. Я очень благодарна маме за заботу, но в последнее время я все чаще думаю: а что если эти выродки такие же, как я? И как их отличить от уродов? С этими мыслями поднимаюсь на этаж. Тётя Ира открывает мне квартиру и закрывает её за мной. Фока встречает, трется о ноги, что-то лопочет на своем кошачьем. Я скидываю обувь, обнимаю кошку. До завтрашнего дня это вся моя компания. Как хорошо, что она есть.

Дома.

Первым делом я проверяю телевизор. Вдруг мама про него забыла. Я щёлкаю переключателем. Глухо. Заглядываю за корпус: Кабеля подключения к розетке нет. Обычная история. Надежды мало, но я прочёсываю квартиру в поисках кабеля и, конечно, его не нахожу. Я его никогда не нахожу. Думаю, мама забирает его с собой на работу или оставляет у тёти Иры, потому что всё остальное я всегда нахожу, как, например, эти шоколадные конфеты, что были спрятаны среди простыней.

Я достаю фотоальбомы. Стараюсь не смотреть свои фотографии. На них я всегда уродина и часто лысая. Раньше мама брила меня на лысо, надеялась, что потом вырастут хорошие волосы, но они так и остались плохие. Нахожу фотографии папы и бабушки Любы. Я долго их рассматриваю, в сотый раз рассказываю о них Фоке, изо всех сил стараюсь запомнить дорогие черты любимых людей, и жую шоколадные конфеты. Их всего десять штук. Каждая конфета в разноцветной

фольге и лежит в отдельной ячейке. От шоколада у меня тоже болит живот, но это будет потом.

Я брожу по квартире, доедаю шоколад и прикидываю, как бы скрыть следы моего преступления. Фока мусолит свою конфету на полу, оставляя на линолеуме шоколадные разводы. Это ничего, я уберу. Тут мне на ум приходит пластилин, и следующий час я леплю конфеты, заворачиваю их в фантики, складываю в коробку. Я свою маму знаю: конфеты она достанет только на праздник, а значит, будут посторонние люди. При них она зовёт меня «Василинкой» и «дочей» и сильно ругать не станет. Мне, разумеется, страшно, что будет, если подмену раскроют раньше. Но конфеты уже съедены, и двум смертям не бывать, а мне и так всегда влетает. Пусть.

Потом я долго перебираю книги, которые коллекционирует мама. У нас три книжных шкафа разной классики и фантастики и энциклопедии, но больше всего детективы. Я уже всё прочитала, но ничего не поняла и читаю снова. Сейчас перечитываю «Анжелику». Фока любит, когда я ей читаю. Мы часто так и засыпаем над какой-нибудь книгой. Но сегодня она уснула сама, а я пишу стихи и не много прозы о том, как трудно быть одной. А ещё позже я делаю домашку, чтобы в выходные быть свободной.

Я пытаюсь пожарить хлеб с яйцом, но что-то идет не так. Пока я в большой комнате выбирала, что почитать за ужином, всё сгорело, и квартира погрузилась в вонючий, плотный дым. Я проветриваю, поедая на пару с Фокой ее рыбу. Она не против. После шоколадных конфет пресная рыба как-то освежает. Мы устраиваемся в моем кресле, и я в сотый раз показываю Фоке фотографии папы и бабушки Любы. На многих фотографиях есть мама, но у неё везде выцарапаны глаза. Это сделала я, когда мне было семь лет.

Мы тогда только переехали в новую квартиру, и Саша уехал в военное училище. Мама и раньше меня запирала дома, но была соседка по коммуналке, которая за мной присматривала, и часто приходил Сашин папа, Иван Николаевич. Он надеялся

получить у мамы разрешение видаться с сыном и, пока ждал её, сидел со мной. А тут я осталась совсем одна. Это было мучительно. Меня охватывал настоящий ужас, когда мама уходила на сутки или даже больше. Я рыдала, умоляя её остаться, бросалась на дверь, кричала, но всё без толку. Мама неизменно уходила, а я оставалась одна. Сначала я плакала до изнеможения, пока сон не отключал меня. Затем строила гнезда, в которых пряталась от страха. А потом все резко кончилось. Мне стало всё равно, что я одна. Только тогда на меня что-то нашло, и я испортила много маминых фотографий. Теперь она часто показывает их новым людям и говорит, что это доказательство моей ненависти к ней. А я не знаю, что доказывают эти фотографии, и поэтому просто молчу, пока новые знакомые качают головой.

Фока внимательно смотрит фотографии, потом слушает, как я читаю. Она моет себя и немножко меня. Затем она засыпает, развалившись на мне, а я читаю, пока не заболят глаза. В девять вечера звонит мама:

— Посуду помыла?

— Да, мама.

— Ложись спать, мышка, — неожиданно ласково говорит она, и я слышу рядом с ней чужие голоса.

— Хорошо, мама, — отвечаю я, а в голове снова и снова прокручиваю её голос, точно записала его на невидимую пленку. Засыпаю где-то в двенадцать. В воображении все ещё скачут лошади. Бедная Анжелика вновь потеряла Жофрея. Я смотрю, как свет ночника освещает корешок книги и чашку с недопитым чаем. Вот было бы хорошо, если бы кто-то и мои книги читал. Фока тарыхтит, как трактор. Интересно, что сейчас делает мама, или Саша, или папа, или Иван Николаевич, или сёстры....

Возвращение.

Каждый раз, когда мама возвращается, я испытываю маленькую радость. Маленькую, потому что она продолжается совсем не долго. Буквально пока мама снимает обувь. Потом она надевает тапки и бросает на меня свой фирменный тяжелый взгляд. Я ей не нравлюсь. Это я уже давно поняла. Мне было лет шесть

или семь, когда я впервые вдруг подумала об этом. Это не из-за того, что она вечно ругается и всё запрещает. Это именно из-за её взгляда. Он такой долгий, тяжелый, исподлобья. Еще она выдвигает нижнюю челюсть вперёд и расширяет ноздри. Так смотрят на что-то ненавистное. Однажды я тоже научусь так смотреть и буду так смотреть на Минина или другого какого выродка. Этот взгляд совершенно лишает радости, понижает до костей. Уж я-то точно знаю.

— Чем воняет? — спрашивает мама. Сегодня она принесла большой мешок, из которого выглядывает упаковочная бумага. Мама надевает тапки. Я вижу, что она напряжена, устала. Мне так хочется ее обнять, спросить, как прошел день, но мне нельзя к ней лезть, пока она сама не позовёт. Правда, она зовёт только при посторонних людях, а наедине — никогда. Поэтому я просто вешаю пальто, украдкой ловлю остатки её тепла в руках.

— У меня хлеб с яйцом сгорел, — сразу признаюсь я. Проще сразу признаться, потому что если солгать и мама узнает, а она, скорее всего, узнает, будет худо.

— У-у-у, безрукая! — хмуро бросает мама и, подняв пакет, к которому уже пристраивалась Фока, идёт на кухню. — Кошку кормила?

— Да, — я плетусь следом. Внутри сложный набор чувств, и мне трудно справиться с ним. Я скучала по маме. Я рада, что она пришла. Меня радует всё в ней, даже взгляд, но мне тревожно. Чувство чего-то неизбежного сушит рот и холодит спину. Точно смотришь на небо, которое наполовину затянуто чёрной тучей. В животе что-то крутится, вызывая неприятные ощущения. Я пытаюсь не замечать этих переживаний. Самое главное — не плакать.

— Положи ей еще, кажется, она голодная.

— Рыбы больше нет, — тихо говорю я, вспоминая пресный вкус минтая. — Мы её на двоих съели. По-братски....

Мама ставит мешок, оглядывается на меня. Я замираю. Виноватая улыбка сама расплывается у меня на лице.

— И чем же мне её теперь кормить? — как-то обреченно спрашивает мама. — Почему ты вечно всё сжираешь? Тебя что, в школе не кормят?

— Я голодная, — честно отвечаю я.

— В стране время тяжёлое! – вскрикивает мама. – Все голодные! Я делаю всё, что могу! Поди, у своего папаши пожри! Не можешь?! Не нужна ему! Он о тебе и не вспоминает! Ни копейки на тебя не дал, выродок! – И дальше идёт непередаваемый словесный поток взрослых слов, который бьёт по мне, как ураганный ветер. Он отбрасывает, подбрасывает, забрасывает меня и продолжает терзать неожиданными порывами. Я точно внутри вихря, и мне кажется, что так могли себя ощущать Элли с Тотошкой, но у них хотя бы был домик. А у меня только узкий коридорчик между кухней и туалетом. Я вжимаюсь в дверь туалета, и ручка буравит мне спину. Под конец брани мне хочется зажмуриться и обхватить себя руками, и я представляю, что это просто град бьет по мне, а он всегда быстро заканчивается. А потом мама резко замолкает, на секунду опускает руки, глаза. – Как вы все меня достали, вонючие выродки! – тихо говорит она.

— А что в пакете? – спрашиваю я, желая лишь сменить тему.

— Тебе какое дело? Ишь! Сделай чаю.

— Хочешь, я тебе хлеба пожарю? Я и сама еще не завтракала, и Фока с нами поест.

— Хлеб кошкам нельзя, дура! – Фока уже наполовину в пакете. – Пошла! – восклицает мама и поддевает её под попу. Фока испуганно отпрыгивает, выбегает из кухни. На пороге оглядывается, дергает хвостом и уходит.

— На работу хрусталь привезли. Такая красота! – неожиданно радостно восклицает мама. Такие перемены в её настроении всегда ставят меня в тупик. А маме они даются легко. Трудно только мне, потому что мама требует, чтобы я тоже становилась сразу весёлой, а мне нужно время, чтобы успокоиться, а потом еще расслабиться, и только потом у меня получается обрадоваться. Но чтобы не злить маму, я играю с ней, будто тоже так умею.

Но сегодня я еще и удивлена, ведь ее радость не наигранная, как при посторонних людях, а настоящая. На мгновение я забываю обо всем и погружаюсь в это ее чувство. Это удивительно и прекрасно – радоваться вместе с мамой. Похожее чувство возникает, когда после дикой жары и долгого ожидания, наконец, откусываешь холодный, сладкий арбуз. Блаженство. Живая вода.

Она достает первый кулёк и бережно разворачивает его, откладывает бумагу в сторону. На столе стоит ваза. Она высокая, из толстого стекла, рифлёная, с причудливым узором. Ваза сверкает, как будто сама по себе и это выглядит хорошо. Я бывала в музеях с классом, но больше о красивых предметах я читала в книгах, где иногда они описываются очень подробно. Из-за этого в голове возникают образы. И вот в этих образах я видела вещи и красивее. Но никогда я не видела маму такой довольной.

— Это я себе на день рождения купила, — говорит она и улыбается, разглядывая вазу. Затем вновь погружается в мешок, и вскоре на столе стоит вторая ваза. Затем третья. Все они похожи, но отличаются деталями. – Я их поставлю на стенку, — говорит мама. – Ну, красота же! – Её глаза сияют, и я думаю о том, что у меня очень красивая мама.

— Красота, — подтверждаю я.

— Ты хлеб жарить будешь? – спрашивает она. Её взгляд с ваз перемещается на меня, и я вижу, как он меняется, холодеет. Опять возникает мысль, что я ей не нравлюсь. Мне от этого неприятно и больно, и я отворачиваюсь, подхожу к плите, начинаю готовить.

— Сегодня к нам гость придёт, — говорит мама. – Хороший мужчина. Выпьем чаю с тортом.

— Будет торт? – спрашиваю я, раскладывая ржаной хлеб на сковороде. – А мне можно будет с вами посидеть? Я вчера уроки сделала. – Я оглядываюсь, ожидая увидеть маму, но её уже нет на кухне. Она ушла расставлять вазы.

Гость.

— Проходи, Павел, проходи! О, цветы! Спасибо! Проходи же. Торт сюда поставь. А это моя Василинка! Доча моя. Иди сюда!

Я стою как вкопанная. Меня постоянно парализует эта «Василинка». Кажется, что в этот момент мама обращается не ко мне, а к какой-то другой девочке, которую только что достали из шкафа. Мама сама подходит ко мне, обнимает за плечи, прижимает к себе. Это почти мучительно. Всё внутри меня сжимается, и я не понимаю, как себя вести. Мое внимание приковано к маминой руке на моих плечах. Это странное, непонятное чувство. Оно, как будто, заперто во мне. Но даже запертое, оно душит меня и туманит голову. Мне с ним никак не справиться. Я стараюсь думать о цветах, которые мама сжимает в другой руке. Упаковка от них шуршит и похрустывает. Не могу вспомнить, как они называются. Наконец она отходит, и мне становится легче. Герберы! Мама их не очень любит.

— Поздоровайся, — говорит мама.

— Здравствуйте, — говорю я мужчине, который в этот момент снимает обувь в прихожей. Фока наблюдает за ним из-под кресла, но он её не видит. Вот бы и мне так спрятаться. Мужчина распрямляется, смотрит на меня с улыбкой:

— Меня зовут Павел, — говорит он, и голос у него довольно приятный. Я думаю о том, что он похож на охотничью собаку с такими длинными ушами, хотя уши у него обыкновенные. Он одет в костюм коричневого цвета и светлую рубашку, на крупном носу — очки в роговой оправе. Секунду я жду заключительную фразу всех людей, которые только что со мной познакомились, и он её произносит:

— У тебя очень красивое имя.

— Ой, — как обычно смеётся мама. – С этим именем такая история! Проходи, проходи.

— Не знал, что у тебя дочь.

— Это что, проблема? – спрашивает мама, и я внутренне сжимаюсь. Сейчас этот

козёл скажет, что не хотел детей.

— Вовсе нет, — весело отвечает Павел. – Я детей люблю, они всегда интересные.

Павел улыбается мне, я ему, а мама дергает подбородком и усмехается. Это значит, что она ещё присмотрится, что ничего ещё не решено.

На маме зелёное шёлковое платье. Я помню, как она купила этот материал, как долго выбирала фасон и как мы ездили к портнихе. Там я много часов молча сидела, наблюдая, как мама примеряет его. Могу с уверенностью сказать, что все эти часы потрачены не зря – выглядит мама прекрасно. Она ещё и волосы на пиво закрутила и накрутилась. Все эти приготовления превратили её в настоящую королеву. И я, затаив дыхание, наблюдаю за каждым её движением, стараюсь уловить, как правильно быть красивой.

— В общем, я так мучилась, когда её рожала. Она родилась такая страшная, похожа на свою бабу. Нос картошкой, голова волосатая. Ужас, — залиvisto смеётся мама. — Я на неё смотрела и думала, как бы её так назвать, чтобы нельзя было дразнить. Столько имен перебрала. Но Василина.... Оно такое мягкое, знаешь.... И ведь его никак не искривишь, только Василинка.

Мне вспоминается, как брат называет меня «Василинище», и я мысленно смеюсь, чувствуя, что скучаю по нему, хотя почти не помню.

— Но выросла очень хорошенькая девочка, — тепло говорит Павел и подмигивает мне. – Ты торты любишь?

Я в растерянности. Мне нежелательно без разрешения мамы открывать рот. Я смотрю на неё с немым вопросом.

— Любит, — кивает мама. – Она всё любит. Метёт как лошадь. Да всё без толку.

— Растущий организм, — улыбается Павел. – Надо было фруктов купить. Что ж ты не сказала?

Мама усмехается:

— У неё почти на всё аллергия, — говорит она. — Сделай чаю, — последнее обращено ко мне.

Взрослые садятся за стол, говорят о какой-то ерунде. Я отключаюсь от них, думаю о сочинении, которое мне задала учительница. Я маме об этом не говорила, но Валентина Васильевна уже стала давать мне дополнительные задания. Пока думаю, делаю чай, накрываю на стол.

— Я же тирг! – в какой-то момент восклицает мама.

— Ну, тигрица тогда уж, — мягко смеётся гость.

— Нет, я тигр! – настаивает мама. — По году рождения тигр и по сути своей! – Она смеётся громко, заливисто. А я ставлю цветы в вазу и смотрю, как Павел режет торт.

А потом... я на седьмом небе, чтобы это не значило. Торт невероятно вкусный, нежный и с орехами. Первый кусок исчез сразу, он утолил мой голод, и мама разрешила взять второй. И я тяну его, как могу, растираю языком о верхнее небо, стараясь запомнить вкус.

— Ну, Василина, расскажи, чем ты увлекаешься? – неожиданно спрашивает меня Павел. – Тебе ведь что-то нравится?

Я опять проваливаюсь в омут растерянности, вопрошающе смотрю на маму.

— Балетом она увлекается, — неожиданно говорит она. – Правда, ей надоело, и она его бросила пару лет назад.

Мама смотрит на меня, кивает и прищуривается. Мой омут растерянности внезапно оборачивается зубастой ямой, которая начинает медленно меня пожирать. То, что сказала мама, называется «кракозябра». Так я придумала обозначать её манеру переворачивать правду. Она как-то умеет всё перевернуть, перемешав обрывки правды и ложь. Спорить с ней в таких утверждениях бесполезно. От возражений она отбивается обрывками правды, и от этого остальная ложь кажется только убедительнее. К тому же её прищуренный взгляд и кивок — это сигнал, что я должна согласиться с этим. А полная правда в том, что я занималась балетом и, не смотря на то, что была уродливой и толстой, меня и ещё несколько девочек, выбрали станцевать маленьких лебедей в каком-то театре. Мы много репетировали,

готовились. Но мама сказала, что на пачку, это специальное платье для балета, нет денег, и в последний момент меня заменили другой девочкой. Мне было очень обидно, и я ревела несколько дней. Совсем не хотелось снова заниматься балетом. Тогда мама сказала, что балет мне всё равно не нравился и скоро я все забуду. А сейчас она внимательно смотрит на меня, говорит:

— Ну, ты же сама не захотела больше ходить, правда?

Я неуверенно киваю, но в голове начинает что-то гудеть, и изнутри распирает нечто непонятное, похожее на тошноту.

— Это у неё от меня, — говорит мама. – Я тоже балетом занималась, но обстоятельства так сложились....

— По тебе видно, — говорит Павел. – Ты очень красиво двигаешься.

— Спасибо, — с доброй улыбкой отвечает мама.

— Хочешь, сходим на балет, — тут же предлагает он. Похоже, она ему и правда нравится.

— Можно, — соглашается мама. – А знаешь что.... У меня коньячок есть. По чуть-чуть... Чуть-чуть, говорят, полезно.

— Я писателем хочу стать! — неожиданно для всех выпаливаю я и с шумом выдыхаю. Стало значительно легче.

— Писателем? – удивляется Павел.

— Придумала чушь, — фыркает мама. – Писатели ни фига не зарабатывают!

— Вообще-то, я состою в Союзе писателей, — вдруг говорит Павел и строго смотрит на маму.

Зря он так. Ей такие взгляды не нравятся. Она пожимает плечом, порывисто встает, подходит к раковине и начинает что-то мыть, хотя я ясно помню, что раковина была пустой.

— Для того чтобы стать писателем, нужно писать, — улыбаясь, говорит Павел. – Ты пишешь?

Я киваю, не в силах больше открыть рот. Мама оборачивается на нас, улыбается:

— Да это всё учительница её с панталыку сбивает, внушает что-то про талант. Пойдет как миленькая, куда скажу. Я считаю, что если ты в шесть утра не встаёшь, то что это за работа такая? И какой может быть талант, если её отец едва восемь классов окончил?

— Это не имеет значения, — говорит Павел и спрашивает меня: — Почитаешь?

Я в шоке. Меня буквально разрывает пополам. Одна моя часть проваливается ещё глубже в яму невозможности, неизбежности наказания за открытый рот, а другая подлетает до небес, услышав приглашение почитать своё. Я смотрю на маму. Её лицо ничего не выражает. Она вытирает руки о полотенце неторопливо, каждый палец в отдельности. Это превращает время в горькую смолу, к которой болезненно липнут зубы. Затем мама медленно кивает. Без какой-либо уверенности я решаю, что этот кивок служит мне разрешением. Но прозу я не могу, проза вся о маме, а я как-то не готова к удушью.

— Могу стих прочитывать, — говорю я, и в этот момент мама громко цокает языком. Я вздрагиваю. Это звук неодобрения, звук, когда мама уже не довольна, но ещё решает, что ей делать дальше.

— Ты и стихи пишешь? — удивляется Павел.

Я вся на нервах, не могу себя сдержать, вскакиваю, бегу за тетрадкой. На кухне слышу мамин смех. Вроде, она не злится. Я возвращаюсь и быстро, впопыхах, читаю стихотворение.

— Можно? – Павел тянет руку к моей тетрадке со стихами.

— Я же говорила, — смеётся мама. – Ну, что ребёнок может написать? Несёт всякую чушь.

Павел листает тетрадь, затем спрашивает:

— Как ты пишешь?

Это сильнее меня, и я опять смотрю на маму.

— Ну, что ты молчишь? – нетерпеливо бросает она.

— Я не понимаю, — бормочу я.

Павел поясняет:

— У тебя сохранились черновики? Мне интересно посмотреть твой процесс.

— Но это и есть мой черновик, — говорю я и вижу, что Павел опять удивляется, затем вновь погружается в мою тетрадь. Мама закатывает глаза, садится обратно за стол, наливает себе чай и кладет еще кусок торта. Я взглядом прошу у нее разрешения на третий кусок.

— Хватит с тебя, — говорит она.

Пару минут слышен только звук переворачиваемых листков. Приходит Фока и просится на руки. Я её поднимаю, и она тоже смотрит на Павла.

— Нда, — бормочет мамин гость. – Бывает же.... Давно пишешь?

— Ой, — смеётся мама и подливает Павлу чай из чайника. Я знаю, что это не настоящий смех, но, по крайней мере, она не злится. – У меня доча очень талантливая. Вся в меня. Вечно что-то пишет....

Мои щёки и уши становятся невыносимо горячими.

— Знаешь, что, — говорит мне Павел. – А мы ведь с тобой не зря встретились. – Он качает головой и опять говорит: — Бывает же....

Я хлопаю глазами и с тревогой смотрю на маму, которая неожиданно поникла и будто совсем потеряла интерес к происходящему. А Павел вдруг начинает говорить о сборнике молодых поэтов, который где-то в другом мире готовится к выпуску. Он говорит о том, что пару моих стихов вполне подойдут для публикации. Он говорит, что у меня есть все шансы и, может быть, я даже смогу немного заработать. Я слушаю его, и моя радость, такая большая, ясная и сильная, заливают весь мой мир.

Она перечеркивает всё дурное, наполняет всё свежим воздухом, заполняет смыслом. Павел над чем-то смеётся, и я вместе с ним. Мы уже друзья. Фока все время сидит у меня на руках и при каждом удобном случае пытается его понюхать. На прощание мы жмем друг другу руки.

— Я позвоню по результатам, — говорит Павел. – Но я уверен, что два точно возьмут. Ещё на дне рождения твоей мамы встретимся и обсудим, что у тебя еще есть. Договорились?

Я киваю, крепко прижимаю к себе Фоку. Павел уходит с моей тетрадкой.

Домашняя работа.

Воскресенье. Тихо. Я просыпаюсь от того, что выпалась. У мамы выходной. Она лежит в центре комнаты на разобранном диване. У неё задумчивый вид. Она смотрит на хрустальные вазы, которые накануне расставила по стенке.

— Доброе утро, мамуля, — говорю я. В ответ тишина. Мама отворачивается, берёт пульт, включает телевизор. Показывают какую-то музыкальную передачу. Поёт София Ротару. Мама, вроде, её любит. Я вижу, что она отложила пульт.

— Можно мне к тебе, — спрашиваю я. Страшно хочется полежать рядом с мамой.

— Нет. Ты воняешь.

— Но я мылась, — бормочу я.

— Ты всегда воняешь.

Фока подходит к моему креслу, запрыгивает на подлокотник и издает звук, похожий и на мяуканье, и на мурлыканье одновременно.

— Доброе утро, Фокатулечка, — говорю я и затаскиваю её к себе под одеяло. Пару минут мы возимся, играем. Она кусает меня и тут же лижет. Потом она принимает смешную позу, и я смеюсь.

— Не смейся по утрам, — говорит мама, не поворачивая головы. – Вечером придётся плакать.

— Ты же так про пение говорила, — удивляюсь я.

— И про пение тоже, — говорит мама и добавляет: – Как же ты меня достала. – Она откидывает одеяло и встаёт. Я слышу, что она пошла в туалет, затем в ванную, а потом к телефону.

— Ой, ну что ты. Это так трудно. Она очень тяжелый ребенок, — говорит мама своей подруге по телефону. – Вся в своего отца алкоголика. Постоянно болеет, врёт. Врёт, да! Ой, Валя, ты бы знала, сколько она врёт. Да ни одному ее слову верить нельзя. А как она со мной разговаривает! Последними словами ругает, неблагодарная.... Да, возраст трудный. Почти двенадцать. Да, а с видумышь, какмышь. Но, знаешь, как говорят, в тихом омуте.... Ох, намучилась. Но, что делать. Это ведь доля каждой матери. Нас-то кто пожалеет? Да. Да. Мы их рожали, а они неблагодарные.... Сосёт и сосёт из меня.... Скорее бы замуж отдать. Да! Как только так сразу! Только мне почему-то кажется, что она так и будет на моей шее сидеть. Кому больная-то нужна? А твой-то как? ...

К таким разговорам я уже привыкла. Для всех маминых знакомых я лгуныя, неблагодарная, болезненный и трудный ребенок. Я не понимаю, почему мама так говорит. Я стараюсь всегда говорить правду, никогда не оскорбляю маму и изо всех сил слежу за собой, чтобы не доставлять хлопот, но, видимо, справляюсь плохо. Мне жаль, что маме приходится мучиться со мной, но что еще я могу сделать? Настроение у меня плохое, я мою посуду после завтрака и думаю о том, что настанет время, и никто на свете не заставит меня мыть посуду. Не потому, что мне это противно, а потому, что я смогу отказаться. В какой-то момент кровь капает мне на руки, я зажимаю ноздри и стою пару минут, запрокинув голову.

— Да, вот звонил не давно, — продолжает мама разговор. – Да пусть мается.... Его место на помойке! Так сам виноват! Я ему ничего не должна.... Валь, я не собираюсь халяву терпеть. Если хочет видеть сына, пусть обеспечит его жильем....

Может, приедет.... Да. У него квартира.... Ерунда, однушка. Валь, так он не хочет её на меня переписывать! ... Так, а на кого?! На Сашку что ли? Чтобы какая-нибудь профурсетка там прописалась?! ... Ой, всё, Валь. Ты моей жизни не знаешь. – Мама кладёт трубку. – Мышь, — зовет она. – Уроки сделала?

— Да, мама, — отзываюсь я, всей душой ненавидя это прозвище.

— Давай, покажи, проверю.

У меня холодеет под ложечкой. Это слева, под рёбрами. Скоро там заболит и будет тянуть несколько дней к ряду. Но у меня нет выбора, но есть небольшая надежда.

— На кухне? – спрашиваю я.

— Нет, — говорит мама, — у Саши в комнате проверим.

Надежды не осталось. На кухне проверка занимает пару минут и стоит нескольких обидных слов. В Сашиной комнате все дороже.

Я сижу за столом брата. Он уже несколько лет отсутствует, и я его почти не помню, но его комната помнит и ждет, и это внушает мне уверенность, что скоро он вернется и станет моей опорой. Он умеет ладить с мамой, и его она называет «сыночка» и «сынок» и никогда «выродок» или «мышь». На столе лежит стекло, под которым Саша собрал целую коллекцию разных фантиков, оберток, этикеток. Мне ужасно хочется поучаствовать в его делании, и я подсовываю туда этикетку от торта, который был накануне. Мама не заметит. Она заходит в комнату спокойно и степенно, ставит стул рядом со мной и садится.

— Ну.

— Можно с математики начать, — предлагаю я. Мне, в общем, неважно с чего начинать. Я бросаю взгляд на электронные часы. Без двадцати час. Открываю тетрадь и сразу получаю подзатыльник.

— Курица лапой! – вскрикивает мама. – Почему я должна краснеть за тебя?! Стыдоба! Разве девочки так пишат?! – в комнату приходит Фока, но мама встает, выкидывает её в коридор и закрывает дверь. А потом уже всё становится не важным. Подзатыльники прилетают неожиданно, оставляя после себя неясный звон. Скоро голова немеет, и остаются только тычки. Мама объясняет мне на

взрослом языке, почему меня не ждет ничего хорошего в этой жизни и кто я такая на самом деле, хоть и притворяюсь. Проверка домашней работы заканчивается в половине третьего. Мама уходит, оставляя меня одну. Я переползаю на Сашин диван, скручиваюсь комком и тихо плачу, пытаюсь заглушить ужасные слова, которые до сих пор звучат то ли в комнате, то ли в голове. Звонит телефон. И я слушаю звон, потом шаркающие шаги мамы, а потом ее голос, который заглушает старые, но говорит новые слова. Они накручиваются друг на друга и превращаются в огромный клубок. Он занимает всю комнату, вжимает меня в диван, и в итоге я в нем исчезаю, становлюсь невидимой и потому недостижимой. В таком состоянии, когда только тоненькая ниточка связывает меня с реальным миром, я чувствую, что папа где-то рядом, а точнее... должен быть рядом.

Папа.

— Але, — говорит мама и тут же разочарованно тянет, — Ааа, это ты.... И что?.... — Я сразу как-то понимаю, что звонит мой папа. Может, он почувствовал, что мне плохо. Всё же я его выродок. Я отчаянно гоню эти мысли. Нельзя предавать маму. Ведь хотеть увидеть папу — это предательство. Даже думать о нем нельзя. Мама — это святое. Это единственное, что есть на земле. Никто не будет любить меня так, как мама. Мне так хочется побежать, выхватить трубку, услышать голос. Но папа — предатель. Папа — алкоголик. Папа — выродок. Я должна быть лучше него. К тому же я не могу пошевелиться. У меня нет сил.

— Я тебе уже все сказала.... Нет, нельзя её увидеть.... Да она о тебе не вспоминает.... Да она тебя ненавидит! Да, вот только что говорила, что ненавидит тебя! Да! Может быть.... Может ты в тюрьму захотел? ... Нет! Нам твои деньги не нужны, подавись!

Я лежу и слушаю её слова. Папа хочет меня увидеть. Какая странная, большая, тяжелая мысль. Невозможно ее думать. Она тягучей каплей сползает с разума и плотной пленкой ложится на грудь. Внутри все болит. Я проваливаюсь в какое-то подобие мучительного сна. Там я бегу, и отовсюду лезут руки с ножами. Они бьют меня в самое сердце, а я истекаю кровью, но продолжаю бежать.

Вазы.

До дня рождения мамы осталось десять дней. Мы уже закупили продукты для оливье и студня. Мама уже решила, что надену я и что она. А вчера она привезла несколько бутылок шампанского и две банки с икрой и сказала, что осталось купить коньяк и вино для какой-то Катки. У мамы всегда полно новых подруг и друзей, но они исчезают так же внезапно, как появились. Вот и Павел пропал без вести, но я продолжаю верить, что он приедет на её день рождения. Когда мы сегодня обедали, я спросила маму о нём, но она лишь пожала плечами, сказала, что он не звонил.

После обеда я ненадолго задремала. Меня часто клонит в сон после еды, и болит живот. Но мама пришла и трясет меня за плечо. Я с трудом разлепляю глаза. Меня мутит.

— Иди, — говорит она, — убирай за своей кошкой.

Я смотрю на часы. Прошло всего пятнадцать минут, а кажется, будто несколько часов. Пока я сажусь и прихожу в себя, мама перебирает коробки в шкафу. У мамы много обуви, но подходящего каблука нет. Наверное, придется покупать новые туфли. Я иду в туалет. Там у Фоки всегда трудности. Мне кажется, это из-за того, что горшок очень маленький. Она просто не попадает. Под её горшком лежит тряпка, которая должна впитывать. От неё всегда тяжело пахнет, сколько её ни выполаскивай. Я всё убираю и иду чистить картошку. В голове крутятся обрывки стихотворения, и я погружаюсь в них. Не сразу замечаю, что мама начала ворчать.

— Зараза вредная! – с досадой говорит она. – Ведь убрали всё. А ну, иди сюда! Иди... Ага! Вот дрянь такая! А ну...! Вот так, вот так. Сколько будешь гадить мимо! – Я слышу Фокин крик, и картошка с ножом выпадают у меня из рук.

— Мама! Фока! – в мгновение ока я оказываюсь рядом с ними. – Мама не надо!

Она сидит на корточках крепко держит Фоку за холку и у хвоста. Тычет её мордочкой в горшок, затем в тряпку и снова в горшок. Я пытаюсь оттащить маму за

плечи, схватить за руки. Мама не обращает на меня внимание:

— Сюда, с*ка такая! Сюда надо ссать! – приговаривает она. Фока кричит, пытается вырваться. Я вижу кровь у неё вокруг носа.

— Нет! Нет! Не надо! – Кричу я и толкаю маму в спину. Она теряет равновесие и заваливается на бок. Громко хлопает стульчак и крышка унитаза. Фока вырывается и исчезает из виду.

— Убирай опять, — зло бросает мне мама, пока я помогаю ей подняться. – Свиньи поганые! Всю квартиру мне загадили! Сколько я могу вас терпеть?! И ведь назло же, назло....

— Мамочка, милая, она не специально, — приговариваю я, поглаживая маму по плечу. Мы вместе заходим на кухню. Я усаживаю её за стол. – Горшок ей маленький. Надо побольше.

— Ещё и на горшок деньги?! – возмущается мама.

— Я все уберу, — успокаиваю я ее. — Хочешь чайку?

— Давай, — мрачно кивает мама. – Только покрепче, надоело воду гонять.

Первый грохот вызывает у нас обеих удивление и оторопь. Мы смотрим друг на друга в немом вопросе пару секунд.

— Это еще что такое? – спрашивает меня мама, но я развожу руками. – Это на улице? – опять спрашивает она.

— Я не знаю, — отвечаю я.

Раздается новый грохот, и в нём я отчетливо слышу звук бьющегося стекла. Я всё ещё не понимаю, а мама, кажется, уже поняла. Она бледнеет, глаза её расширяются:

— Нет, — выдыхает она. – Не может..., — новый грохот обрывает её. – Нет! – вскакивает мама. Она вылетает из кухни. Где-то в районе прихожей она сталкивается с Фокой, потому что я слышу: – Ах, ты, с*ка!

Затем Фока залетает на кухню. Когти у неё проскальзывают на линолеуме, глаза

горят бешеным огнем. Она врезается головой в кухонный уголок и, распластавшись на полу, пытается забиться в узкий лаз между диваном и полом. Но в области бедер она застревает. Всё из-за того, что задние лапы согнуты. Она отчаянно отталкивается ими от пола. Сначала я стою, как бесполезный столб, но потом слышу:

— Убью! Убью, с*ка! Ну, попадись!

Я всё ещё не понимаю, что случилось, но бросаюсь к Фоке. Чуть приподнимаю диван и пропихиваю её целиком. На руках остаётся клочок шерсти. Я распрямляюсь, прячу клочок за спину, как раз в тот момент, когда мама забегают на кухню.

— Где она?! – рычит мама и мне страшно на неё смотреть.

Я не хочу её такой видеть и опускаю глаза:

— Не знаю, — лгу я и думаю, что вот поэтому-то я и врунья, и предатель. Но лучше уж так.

— Знаешь, — рычит мама. Она бросается ко мне и все вокруг погружается в белую вспышку.

Прихожу в себя в большой комнате. Всё лицо у меня мокрое, тело горит, но я не знаю почему, да я об этом и не думаю. Я сижу на полу, вокруг осколки маминых ваз. Всё разбито. Мама тоже сидит на полу, на глазах у неё слезы. Она перебирает крупные куски стекла, прикладывает их друг к другу, обреченно качает головой. Мне её очень жаль. Как она радовалась, когда принесла их домой, а теперь....

«Бедная мама»,- думаю я и вдруг понимаю, что в руке у меня что-то есть. Я разжимаю пальцы, а там клочок Фокиной шерсти.

Пропажа.

— Ты зачем мне на работу звонишь, сколько говорила...

— Мама! Фока пропала!

— Завтра приду, поищем.

— Я уже весь дом перерыла! – вскрикиваю я.

— Ты мне ещё раз голос повысь! Ишь! Я тебе сказала, приду, поищем. – Мама кладет трубку. Я тоже кладу, а сверху свою голову.

— Фока, — тихо зову я, уже не имея никакой надежды, что Фока дома.

Сегодня понедельник. Весь прошлый вечер и сегодня на уроках я могла думать только о Фоке. Как она? У меня не было возможности достать её из-под уголка, но я подсовывала туда сухарики и кусочек печенки. Утром, по сухому горшку, было понятно, что она не выходила. А когда я вернулась со школы, она меня не встретила. Тогда-то я и поняла, что с Фокой что-то случилось.

Я последовательно перерыла весь дом, начиная с уголка на кухне и заканчивая самыми невероятными местами, типа под ванной. Но я почти сразу поняла, что она не дома, потому что я её не чувствовала. Не знаю, как это еще объяснить. Я промаялась около часа, а потом всё же позвонила маме на работу, хоть мне и нельзя это делать. Мама ненавидит, когда я ей звоню. А теперь я положила голову на телефон и разрыдалась.

Ночью я не сплю. Дочитываю последнюю часть «Анжелики». Они с Жофреем наконец вместе, а мне все равно. Где-то около пяти утра я что-то ем и сажусь писать, а в восемь утра приходит мама. Почти сразу мы идем искать Фоку. Мне не важно, что мама больше стоит рядом, чем ищет. Она могла бы вообще не пустить меня, ведь улица полна уродов. Вместо этого она терпеливо находится рядом, пока я бегаю вокруг нашего дома, лезу в подвалы, проверяю все ямки и углы и зову, зову, зову. Через пару часов мама просится домой. Я не могу ее больше мучить, ведь она пришла после суток, и мы возвращаемся.

— Это бесполезно, — говорит мама, укладываясь спать.

Я задергиваю шторы.

— Забудь. Новую кошку заведем, — добавляет она.

Когда она засыпает, я достаю ключи из ее сумки и выскальзываю из дома.

Я возвращаюсь домой около шести, и мама все еще спит. Она так и не заметила, что я уходила. Я ем суп из кильки в томате. Он густой, с пшеном, и вкусный. Фока его тоже любит. Я стараюсь не плакать: ещё не всё потеряно. Я буду дальше её искать. Видимо, от моей возни мама проснулась и тоже пришла на кухню.

— Уроки сделала? — спрашивает она, наливая суп себе в тарелку.

— Да, — отвечаю я. — Как ты думаешь, где Фока?

— Кто её знает, — пожимает плечами мама. — Пойдешь со мной туфли покупать?

— Какие туфли! — возмущаюсь я. — Фоку искать надо! Она там совсем одна! Одна!

Мама удивлённо смотрит на меня, будто совсем не понимает:

— Да что ей будет? Она же животное.

Мне становится дурно. В глазах темнеет, начинает потряхивать сначала плечи, а потом руки. Я не знаю, что со мной и не могу сдержаться:

— Знаешь что.... Знаешь что..., — задыхаясь, говорю я.

— Ну, что? — устало, спрашивает мама.

— Ты злая! — взрываюсь я. Руки у меня сами взлетают вверх, в воздухе сжимаются кулаки. Вообще-то я никогда не кричу на маму, но тут у меня не получается не кричать. — Ты злая! Жестокая! Это всё из-за тебя! — выдаю я.

— Я злая?! — сразу кричит мама в ответ. Она стучит кулаком по столу. — Я злая?! Да ты не знаешь, что такое «злая»! Ты хоть раз на горохе стояла?! А?! — Мама

вскакивает, хватает меня и начинает неистово трясти. Через секунду я уже болтаюсь в её руках, как тряпка. – Вот моя мать злая! Насыплет горох в угол и стой на нем! И не просто так, а на коленях! Я тебе покажу злая! На коленях! На горохе! Хочешь?!

— Нееет, — вою я. Не от боли, не от обиды, не от страха за Фоку, а от всего сразу.

— Злая я! А ты знаешь, как моя мать меня изуродовала?! В люльку мне ножницы подложила! Вот шрам, смотри! А как она продала меня мужику, когда я младше тебя была?! – Мама продолжает меня трясти, и от этого у меня кружится голова. – Продала меня пед**илу! Вот, что значит злая! Оставила меня с ним! Ушла! Ты знаешь, что он со мной делал! Какие мерзости! Я злая!

— Мама, не надо....

— Злая я! Живешь, как принцесса на горошине! Не ной! – угрожающе требует она.
— У меня никогда не было ни платица, ни туфелек, ни бантиков! Жрачки и той не было! В бараке жили! А как она меня драла! Как сидорову козу! Дрянь, ты такая! Мать у нее злая! Я, почему должна терпеть с*ку, которая мои вазы разбила?! А? Ты знаешь, сколько они стоили? Дороже твоей шкуры! Это же хрусталь! А?! Почему я должна ее кормить?!

— Она больше не будееееет..., пожааалуйста, верниии мою Фокууу. Я с ней своей едой делиться будууу.

— Своей едой?! Нет у тебя никакой своей еды! Все мое! Неблагодарная! – Неожиданно мама отпускает меня, и я падаю на пол, грохнувшись костями. Опрокидывается Фокина плошка с водой и растекается небольшой лужей. – Фоооокаааа! – в голос реву я.

— ЗАТКНИСЬ! – кричит мама так громко, что на секунду я глохну и, кажется, звенят окна. Я оторопело замолкаю. – Заткнись, заткнись уже, наконец! Подбери свои сопли, и пошли искать эту с*ку!

Мы ищем Фоку три дня. Я много плачу, но только когда мама не видит. Она терпеливо ходит и стоит рядом, где бы я ни лазила. Она говорит с прохожими, объясняет и расспрашивает людей, не видели ли они нашу кошку. Мама — сама любезность. Она умеет нравиться людям. Они охотно отвечают на её вопросы, и

кто-то даже идет с нами вдоль дома. Под конец поисков я впадаю в неистовство и лезу в самые отвратительные и грязные места нашего двора. Мне всё кажется, что Фока в том углу или за тем мусором, или её завалило в той яме. Я все зову её и зову, а она так и не отвечает. А потом мама говорит:

— Всё. Хватит.

Я сижу на корточках в ванной, обхватив колени руками. Мама моет мне спину жесткой мочалкой, приговаривая, что я воняю, как «бомжара». Невыносимое, ужасающее чувство тоски переполняет меня. Я обреченно смотрю, как мыльная вода ручейком утекает в круглое отверстие слива. Зачем я родилась? Я ведь совсем никому не нужна. Была у меня только Фока. Как я теперь без моей Фокатулечки? Слёзы льются. Они перемешиваются с водой из душа, и мама не обращает на них внимания.

— Ничего, заведем другую, — сухо говорит она.

— Мне не нужна другая, — бесцветно отвечаю я.

— Фока прожила хорошую жизнь. Её любили, — мылит меня мама.

Я отталкиваю её руку, кричу ей в лицо:

— Фока жива! Она не умерла!

— Ну, хватит! – мама бросает в меня мочалку и порывисто выходит из ванной.

— Фока, Фока, пожалуйста, вернись, — тут же плачу я.

— Не засиживайся! – кричит мама из глубины квартиры.

Я подбираю мочалку и начинаю её мылить. Я думаю, что мир — это нечто уродливое и страшное, как тюрьма. В этом мире нет места для радости. А даже если и есть, то за мгновением радости следует мучительное и долгое страдание. В этом мире злые люди делают злых людей и, видимо, я тоже стану злой. Здесь бермудский треугольник вселенной, где бесследно исчезает все хорошее и доброе. Я вспоминаю героев книг, которые читала, вспоминаю, как много они испытывали и

через что проходили. Герой — это тот, кто никогда не сдаётся. Герой не теряет веру, не опускает рук. Он не нытик и не выродок и точно немышь. Я не герой. Я готова сдаться, потому что я совсем одна. Да и ради чего жить, если здесь ничто не поддерживает любовь?

— Боже, верни мне Фоку! — в отчаянии вскрикиваю я. — Верни её!

Я верю в Бога, хоть мы и не ходим в церковь. И я знаю из своих книг, что именно к Нему обращаются те, у кого не осталось надежды.

— Приехали! — мама заходит в ванну. Она принесла полотенце и вешает его на батарею. — Богу она молится. Вечно ты из всего устраиваешь драму, — говорит она. — Только Богу твоему нет до тебя дела.

— Конечно, ты не веришь..., — бормочу я.

— Чего это? — удивляется мама. — В Бога-то я верю, только знаю, что он далеко. Так далеко, что нет Ему дела до нас.

— Бог любит нас...

— Опять любовь? — возмущается мама. — Сколько тебе твердить — нет никакой любви! — восклицает она.

— Зачем тогда жить?! — кричу я ей в ответ.

— Ну и не живи! Дура!

Мама уходит, хлопнув дверью.

Ночь. Мама все еще шумит на кухне, хоть завтра ей рано вставать. Скоро у неё день рождения и она потихоньку готовится. Я лежу в своём кресле. Мне так холодно, что зубы сами стучат. Я знаю, что пересидела в ванной и, скорее всего, заболею, но какая теперь разница? Работает телевизор. Открытая дверца шкафа не дает мне видеть экран, но он мне и не нужен. Мне больше ничего не нужно. Острое чувство пропажи, нехватки, потери, сжимает мою грудь в тиски и не дает толком дышать. Сердце почти не бьётся. Я, честно, не знаю, как мне теперь жить. Мне страшно подумать, что случилось с моей кошечкой. Мне повсюду чудится Фока, её тень, её тихое мяуканье. Я сажусь в кресле, прислушиваюсь. Вот опять. Мяуканье.

— Фокочка, это ты? – Я уже готова поверить, что это ее призрак. Это ничего. Пусть призрак. Я и призрак любить буду. Лишь бы она была рядом. Я встаю, босиком шлёпаю на кухню. В прихожей останавливаюсь. У меня отчётливое чувство, что Фока здесь, но где? Вновь раздаётся мяуканье.

— Это Фока! Фока! – бросаюсь я на кухню.

Мама хватается за грудь:

— Белены объелась! – кричит она. Кажется, я её напугала.

— Мама, там Фока!

— Какая, к чёрту, Фока, в первый час ночи!

— Открой ей дверь! – требую я и тяну маму за руку в прихожую.

— Как же ты меня достала, истеричка, — ворчит мама, но в прихожую идет. — Вся в своего папашу-алкоголика. Тому тоже, если приспичит, то хоть провались. Так хотел, чтобы я его женой стала, что руки на себя накладывал. Его мать, твоя бабка...

— Мама, пожалуйста, — умоляю я, — быстрее.

— Да, сейчас, — недовольно ворчит мама. – После смены к невропатологу пойдем. Кажется, у тебя уже крыша едет. – Она достает ключи, вставляет в замок.

— Хорошо, хорошо, — от нетерпения, я переминаюсь с ноги на ногу.

Мама открывает дверь. Моё сердце подпрыгивает, оживает и начинает биться

быстро, быстро.

Фока! Моя кошка стоит в коридоре, прислонившись к противоположной стене. Она выглядит ужасно. Будто её, по меньшей мере, сбил автобус. Она не чёрная, а коричневая, худая и грязная. Она мяучит и звук выходит слабый и жалобный. Бедная малышка!

— Не может быть! – выдыхает мама.

А я бросаюсь к моей кошке:

— Фока! Милая, как же я скучала!

Теперь и навсегда Фока для меня — доказательство того, что где бы ни был Бог, Он нас слышит! А еще, что у любви есть необъяснимая, великая сила — совершать невозможное!

— Невероятно, — всё ещё удивляется мама.

А я ничему не удивляюсь. Я подхватываю Фоку с пола, обнимаю ее, и она обнимает меня. Ее лапки обхватывают мою шею, и она крепко прижимается ко мне. Она издает какой-то жалобный, сипящий звук и я что-то бормочу в её шерсть. Она совсем пушинка и плохо пахнет. Что же с ней случилось? Что же ей пришлось пережить?! Но всё это уже не важно. Жива! Со мной! Мне её вернули! Нам всё вернули! Фокина головушка в моей руке. Она прикрывает глаза. Я чувствую её облегчение, оно у нас общее, как и радость. Я целую её, и радость превращается в счастье. Оно окутывает нас с Фокой, и я вновь вижу золотое облако. Там уже улыбается моя бабушка Люба, там светит солнце, и там всё возможно, а смерти просто нет.

Анджела Девис

— Анжела Девис приедет, — говорит мама.

Мы стоим в очереди за колбасой. В руках у меня тяжелые сумки с продуктами. Я поставила их себе на ноги, потому что на землю нельзя. До дня рождения остаются считанные дни, и подготовка идет полным ходом. А Анжела Девис — это мамина

подруга с работы. Вообще-то её зовут Светлана, но мама говорит, что она одно лицо с певицей Анжелой Девис, которую я не знаю.

— Ты же её помнишь? — продолжает мама. Очередь продвигается вперед и мы вместе с ней.

— Да, — отвечаю я. — Это твоя подруга.

Мама морщится:

— Подруг не существует, — говорит она.

Я удивляюсь и пугаюсь одновременно. В глубине моего сердца живет надежда, что однажды у меня будет подруга, и, может быть, даже не одна.

— Почему? — спрашиваю я. — Кто это сказал?

— Люди, — отворачивается мама. — Считается, что женской дружбы не существует.

— Мне кажется, есть дружба или нет, решают две женщины, а не какие-то там люди, — ворчу я, обижаясь на весь мир за то, что он ни во что хорошее не верит.

— Опять ты чепуху несешь, — говорит мама. — Просто тебе Светка нравится.

Это правда. Света и правда нравится мне. Она приезжает нечасто, пару раз в год, но каждый раз живо интересуется мной и моими делами. — А когда она приедет?

— Сегодня на обед. Она в день рождения, видите ли, занята, — с раздражением сообщает мама. — И не болтай всякую чушь, — добавляет она.

— А что за синяк? — первым делом спрашивает Света, когда мы остаёмся наедине. — Тебя в школе кто-то бьет?

— Нет, — искренне отвечаю я.

Мама ушла в большую комнату, чтобы принести и показать костюм, который она наденет в этот раз на день рождения. Света-то её в тот день не увидит.

— Значит, не в школе? — настаивает Светлана.

— А, — говорю я, натягивая рукав водолазки на запястье, — я и не помню.

Стукнулась где-то.

Света хватает меня за руку:

— Нет, — хитро улыбается она и вздергивает рукав вверх. – Смотри, похоже на пальцы! Как будто кто-то вот так держал. – Она хватает меня за запястье, и секунду мы молча смотрим друг на друга.

— Ну вот, смотри! – возвращается мама.

— Отличный костюмчик! – весело говорит Света.

— Ни фиги себе костюмчик! – возмущается мама. – Ты знаешь, сколько он стоит? Так, мыш, иди отсюда. Дай взрослым поговорить. Стоит, смотрит. Иди уроки делай!

— Нет! Пусть останется! – возражает Света. – Ты видела, что у неё огромный синяк, будто хватал кто-то. – Она тянет мою руку к маме, показывает синяк.

Мама хмыкает:

— Это у неё от меня, — говорит она. – Я тоже вечно в синяках, стоит только дотронуться. Капилляры близко расположены.

Света отпускает меня и тянется к маме:

— Танцевать хочется, — игриво сообщает она и улыбается.

— Какое танцевать?! – возмущается мама. – Мне завтра вечером на сутки, как и тебе, кстати!

— Ну, пойдём..., — продолжает Светлана. – Подвигаемся.... Познакомимся....

— Назнакомились, — ворчит мама.

Я ухожу в комнату, пользуюсь моментом, смотрю телевизор. Там шумная жизнь, и толпы народа куда-то спешат и о чем-то спорят. Я переключаю канал, натыкаюсь на музыкальный клип. Там танцуют молодые люди, и я смотрю, открыв рот, позабыв обо всем.

Ночью возвращаются мама и Света. Они веселые, звонкие. Я смотрю на

электронные часы, они показывают начало третьего ночи. Фока рядом со мной. Она лишь слегка повела ухом и продолжила спать.

— Ну, ты даешь! – смеётся Света. Я слышу, как падают её сапоги на пол.

— Нечего лезть! – отрезает мама. – Мало ещё...

Я лежу в комнате, в темноте, слушаю, как женщины разговаривают в прихожей, потом идут на кухню. Их громкие голоса ярко и отчётливо звучат в ночной тишине. Вскоре, по квартире расползается терпкий аромат кофе.

— Да я всю жизнь дерусь, — говорит мама. – С сестрой дралась, в школе дралась.

— А меня в школе колотили, — смеется Светлана. – А я домой бежала...

— А тебя дома, что мать не наказывала? – спрашивает моя мама.

— Наказывала, конечно. Но не сильно, больше ругала.

— Ну, — неопределенно тянет мама.

— Мне кажется, детей бить нельзя, — едва слышно говорит Света.

— Конечно нельзя, — соглашается мама. – Это же дети.

А Светлана добавляет:

— Мне кажется, что у нас в стране принято плохо обращаться с детьми. Я у кого из знакомых не спрошу, всех в детстве наказывали. Только степень тяжести была разная.... Некоторых прямо били до синяков, до крови.

— Это тебе так кажется, — говорит мама. – Не только у нас, везде так. Всех ругают и дерут, если надо. Моя мать вон вообще меня не жалела. И на горюх ставила, и колотила. А в восемь лет пед*илу продала. И ничего, я же выросла и не пьянь и не бомжиха. Все сама. Ни у кого помощи не просила.

— Да, ты говорила, — совсем тихо произносит Светлана. – Я до сих пор в шоке.... Но почему?

У мамы ответа на этот вопрос нет, и она просто повторяет всю ужасную историю про пед*ила от начала и до конца, со всеми подробностями. Я в сотый раз слушаю, и слезы текут из глаз и противно затекают в уши.

Я думаю о том, что детей ругают и дерут по всему миру. Зачем? Почему? Я хочу спросить у бабушки, зачем она била мою маму и тётю, зачем ставила их на горюх? И самое страшное – зачем отдала маму пед*илу? В голове крутятся мерзкие картины. Мне от них жутко и никак не уснуть. Через полчаса они приходят в комнату, включают свет. Мама разбирает для Светы соседнее кресло, затем берет стул, чтобы встать на него и достать из верхнего ящика стенки постельное белье. Светлана присаживается на край моей постели. От неё пахнет алкоголем. Она улыбается, гладит меня по голове. Её пальцы перебирают мои волосы, закладывают их за ухо. От этого что-то внутри меня, наконец, расслабляется, и я засыпаю, так и не дождавшись, когда выключат свет.

Кровь.

Утром Светланы уже нет. Она уехала, как только открылось метро. Соседнее кресло собрано, и белье сложено в стопку. Я завтракаю гречкой с печенкой и отправляюсь в школу. Посреди пятого урока у меня опять идет кровь носом. Она внезапно выплескивается мне на тетрадь и быстро пачкает и руки, и парту. Учитель отправляет меня в кабинет медсестры.

— Часто идет кровь носом? – спрашивает меня приятная женщина в белом халате.

— Часто, — киваю я. – Раз в три, четыре в неделю.

— Часто, — соглашается она, — запрокинь голову.

Она что-то сует мне в ноздрю. От этого неприятно пахнет хлоркой. На переносицу она кладет холод.

— Держи.

Я держу холодный пакет и сижу, запрокинув голову.

— Ты высыпаешься? – спрашивает медсестра.

— Иногда, — пожимаю я плечами.

— Сильно устаешь?

Я вспоминаю, как иногда валяюсь с ног от усталости, но не могу уснуть.

— Бывает, — говорю я.

— Я тебе тут напишу, отдай маме.

Я выхожу из кабинета с листком в руке и затычкой в ноздре. Уже перемена, и дети носятся по коридорам, поглядывая на меня с некоторым любопытством. Вопросов никто не задает. Учительница читает листок и отпускает меня домой.

— А ты что так рано? – удивляется мама. Она стоит в прихожей, уперев руки в бока, и строго смотрит, пока я снимаю пальто и обувь. Фока крутится у моего портфеля, из которого предательски сильно пахнет половиной котлеты. Она все еще в опале у мамы, и я стараюсь ее подкармливать, чем могу. Конечно, я завернула котлету в три салфетки, но это не помогло. Я ласково отпихиваю Фоку в сторону, она не понимает, принюхивается и смотрит с немым вопросом.

— У меня опять кровь носом пошла, — говорю я и протягиваю маме листок от медсестры. Она берет, разворачивает, читает.

— Понятно. Все равно к невропатологу собирались. Поди, помоги мне в ванной.

Только сейчас я замечаю, что рукава маминого халата завернуты, а подол мокрый. Мама уходит, и я быстро достаю котлету, крошу её в ладони и сую под кресло как можно глубже. Фока уже громко чавкает, а я спешу в ванну, чтобы её не выдать.

— Это что кровь? – удивляюсь я.

В ванне разложен мамин кожаный плащ красивого рыжего цвета. Рукава и

воротник лежат на доске, на которой обычно стоит таз, а все остальное опущено в ванну. Ниже пояса, на подоле, бурые брызги.

— Кровь, — подтверждает мама.

Тут я замечаю, что на правой руке мамы, на костяшках пальцев, свежие ссадины.

— Вот так три, — говорит мама и показывает, как надо мылить подол. – Потом водой ополосни. Только вниз. Вот так. Поняла?

— Да, мама, — отвечаю я и тут же получаю кусок мыла в руки. – Как это случилось?

— Один урод получил, — сухо говорит мама. Нажрался и полез, а ко мне лучше не лезть. Я тебе рассказывала, как двое парней меня изнасиловать хотели?

У меня внутри все холодеет. Эту историю я тоже много раз слышала. Ненавижу её. Она ужасная, но хорошо, что все обошлось. Они отказались от своих планов, потому что мама повела себя как герой. Мама ведь тигр. Жаль, что я не могу быть как мама, ведь я вся в своего папашу, выродка.

— Рассказывала, — говорю я, аккуратно мыля подол.

— То-то, запомни, мужикам только одно и надо, — строго говорит мама. – Им дети не нужны. Только родишь и станешь не нужна. Поняла?

— Да, мама. – Я старательно мою бурые брызги, думаю о том, что моя мама настоящая амазонка. Я ею горжусь. Навалила уроду. Показала ему!

— Ты знаешь, что никто тебя не будет любить, так как я? — вдруг говорит мама. – Ты никому, кроме меня, не нужна. Ты понимаешь это? – Время от времени мама заводит этот разговор. Он всегда одинаковый и всегда, для меня, не понятный.

— И мне никто не нужен, — бормочу я, ополаскивая подол плаща.

— Это ты сейчас так говоришь! — плаксиво вскрикивает мама. — А потом вкусишь этой любви с мужиком и забудешь мать. А ты моя! Ты моя кровиночка! Я тебя для себя рожала. Ты моя куколка! Я тебя всегда наряжала. Ты такой хорошенькой была, маленькая... Я тебя в попку целовала, куколку мою...

Я выпрямляюсь, смотрю на маму, хочу сказать, что люблю ее и никогда не брошу, но что-то мешает, и слова просто застревают во мне. Я знаю, скоро она скажет

самое страшное.

— Вон ты какая уже взрослая, — продолжает хныкать мама. — Скоро оставишь меня. А я, как только уйдешь, руки на себя наложу, так и знай.

Вот оно. Я не выдерживаю, обнимаю маму, утыкаюсь в халат, который пахнет её потом и едой.

— Не надо так говорить, – бормочу я. – Прошу тебя.... Я тебя не оставляю.

— Оставишь, оставишь, а я без тебя умру, — жалобно продолжает мама и вдруг серьезно говорит. – Моя смерть будет на твоей совести. И Бог твой это увидит. Он тебе за это воздаст, так воздаст, так отомстит.... Сдохнешь, как собака! – Мама отцепляет меня, разворачивается и уходит. Мои руки остаются висеть в воздухе там, где еще недавно стояла мама. Холодно. Я смотрю в опустевший проем двери и вижу темную стену. Ощущение, что я оглохла, только противный писк откуда-то сбоку. Я ничего не понимаю, кажется, что схожу с ума или уже сошла. Постепенно нарастает чувство безвыходности, обреченности, точно сама жизнь поставлена на паузу. Я вижу, будто стена растягивается во все стороны и становится по-настоящему глухой, непреодолимой. Меня начинает охватывать паника. И тут я замечаю Фоку. Она сидит в темном углу коридора и тщательно умывается. Вид у неё довольный. Она щурится, глядя на меня, пока лижет лапу. Глаза у неё горят зеленым цветом. Видно я ей котлеткой угодила. Внутри меня теплеет. Странные чувства спадают, как тяжелая тряпка, и я улыбаюсь Фоке, а из носа опять идет кровь.

Невропатолог.

В коридоре поликлиники вдоль бледных стен стоят скамейки. Между ними — двери в кабинеты. Под потолком мерцают лампы дневного света. Пахнет, марлей, которую мне суют в нос, когда идет кровь. Мама напряжена. Она держит в руках мою карточку и постоянно вздыхает. Мы сидим вдвоем, но вот подходит женщина, садится рядом со мной. Мама строго оглядывает ее, как учительница, потом хмыкает, переводит взгляд на меня:

— Сейчас я пойду, — говорит она, — потом ты.

Я киваю. Ничего не обычного. По врачам мы всегда ходим так. Сначала идет мама, и только потом я. Это она так делает, потому что врачам всё надо объяснять, а то они ничего не знают. Мигает лампочка над кабинетом и мама уходит. Женщина рядом достает из сумки конфету «Коровка» и разворачивает фантик. Мне отчетливо и ярко вспоминается этот вкус. Он ярко-сладкий, сливочно-карамельный. Бабушка Люба угощала меня «Коровкой». Я сглатываю слюну, и это выходит громко. Женщина удивленно смотрит на меня, затем улыбается. Она достает еще одну конфету:

— Прости меня, девочка, я не подумала. Просто у меня сахар падает. Держи. – Она протягивает мне «Коровку».

Мне конфеты у чужих людей брать нельзя. Но мне очень-очень хочется взять. Это ведь «Коровка».

— Не бойся, бери, — говорит женщина.

— Мне мама не разрешает, — грустно говорю я.

— Тебе по здоровью нельзя? – уточняет женщина.

— Нет, — мотаю я головой. – Мне из-за мамы нельзя.

— А мы ей не скажем, — улыбается она и снова протягивает мне «Коровку».

Я все же беру конфету, потому что не могу не взять, и прячу её в карман.

— С собой возьмешь? – улыбается женщина.

Я смущенно киваю, а она кивает с пониманием.

— У меня тоже дочка, — говорит женщина. – Только она уже взрослая. Учится в институте. Ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

Я смущенно молчу, горло внутри дергается, и в груди как-то трудно дышать. Не знаю, что со мной. А женщина продолжает:

— Нужно обязательно учиться, в этом твое будущее. Без образования никуда не возьмут, а если и возьмут, то только на самую плохую работу. Ты ведь хочешь

учиться?

Я киваю, но мне почему-то очень хочется плакать, и женщина это как-то понимает:

— Ты что такая грустная, детка? Что случилось? Ты не расстраивайся. Мама скоро придет. – Женщина смотрит на меня и ласково улыбается. От нее исходит тепло. Мне она напоминает Валентину Васильевну, мою учительницу по русскому языку и литературе. А еще не много бабушку Любу. – Я вижу, — говорит женщина. – Ты хорошая девочка. Обязательно учись, хорошо?

Я киваю, и в этот момент слышу, как мама цокает языком. Я вздрагиваю. Мама стоит в дверях кабинета. Опять я не успела ее заметить:

— Мышь, — командует она и снова исчезает за дверью.

Я встаю, иду в кабинет. Там слева стол, за которым, с одной стороны, сидит врач в белом халате, а с другой — медсестра. Она всё время что-то пишет. Справа кушетка, там сидит мама, за ней стоит шкаф. А ещё вешалка, на которой висят вещи, и дальше окно. На потолке гудят две лампы дневного света.

— Проходи, Василина, — говорит мне врач. – Садись. – Он кивает на кушетку. – Часто кровь носом идет?

— Три-четыре раза в неделю, — отвечает мама. Я сажусь рядом с ней.

Врач вздыхает, встает, берет молоточек и подходит ко мне. Он примерно ровесник моей мамы. У него заспанный вид и мятая рубашка, и от него пахнет табаком.

— Хорошо спишь? – Он стучает меня молоточком под коленку.

Я пожимаю плечами.

— Она вечно просыпается и бродит во сне, — отвечает моя мама.

Врач косится на маму, говорит:

— Мамочка, подождите, пожалуйста, в коридоре. – Он указывает ей молоточком на дверь.

— Я потом ещё зайду, — недовольно говорит мама и встает.

— Хорошо, — соглашается доктор, — потом зайдёте ещё.

— Часто бродишь? — спрашивает меня врач и пытается улыбнуться. Выходит натужно, вымученно.

Я опять пожимаю плечами. Как мне кажется, такое было лишь однажды, после смерти бабушки Любы, но маме виднее.

— Ещё про сны расскажи, — требует мама.

— Идите, — устало говорит врач и вновь пытается мне улыбнуться. Мама уходит. Хлопает дверью. Врач простукивает мои ноги и руки, смотрит мне в глаза:

— Что за сны? — спрашивает он.

— Мне снятся истории, — говорю я.

— Что за истории? — Врач садится рядом. — Вот так ручки вытяни.

Я послушно вытягиваю руки.

— Разные истории. Как я в другом мире, спасаю какого-то или ещё, что меня убить хотят.

— Хм, — мычит доктор. — Можешь опустить руки. Откуда синяки?

— Мама говорит, у меня капилляры близко расположены, — отвечаю я.

— Понятно, — грустно говорит врач. — Сны цветные или черно-белые?

— Когда как, — пожимаю я плечами.

— Ты высыпaeшьcя?

Я мотаю головой. Из-за того что мы с мамой в одной комнате я никогда не высыпаюсь. Ночью всегда работает телевизор, утром часто шумно, и мама громко говорит по телефону в любое время. Но мне нельзя никому ничего рассказывать о маме. Это предательство. Все, что происходит дома, должно оставаться дома.

— Тебе обязательно надо высыпаться, — говорит доктор. — У тебя ещё организм

формируется, а сон — важный помощник. Иди. Позови свою мать.

Я снова на скамейке. Мама ушла в кабинет. Женщина с конфетами всё ещё здесь. Она смотрит прямо, губы у неё поджаты. В какой-то момент она бросает на меня гневный взгляд и неожиданно говорит:

— Если бы я знала, что ты так плохо относишься к матери, никогда бы не угостила тебя конфетой.

Меня словно окатывает холодной водой. Всё внутри сжимается и опять нечем дышать.

— Разве можно такие слова маме говорить? – гневно шепчет женщина. – Мама — это святое! Мама тебе жизнь подарила! А ты? Это стыдно! А я-то подумала, что ты хорошая девочка. – Женщина качает головой и отворачивается. Я смотрю на неё. Сейчас она похожа на мою маму. У неё высоко поднят подбородок и поджата нижняя губа, а глаза прикрыты и смотрят в пол. От неё больше не исходит тепло, и из-за этого мне её жаль.

Вскоре мама выходит из кабинета. Громко говорит:

— Ваше дело — анализы выписывать и таблетки!

Я слышу из кабинета голос врача:

— Это дело медсестры! А моё дело — лечить!

— Вот и лечите! – почти кричит мама и хлопает дверью. – Пошли, мышь!

Я успеваю достать и положить конфету «Коровка» на скамейку между мной и женщиной. Я её больше не хочу.

— Этот врач — идиот! – восклицает мама, пока мы спускаемся по лестнице.

— Что случилось? – спрашиваю я. Но мои мысли далеки от врача. Я думаю о женщине, которая так переменялась ко мне. А переменялась она после того, как посидела с мамой. В этот момент мама бросает на меня очень сложный и пристальный взгляд. Там так много чувств, что я не могу их всех разобрать. К тому

же она скоро отворачивается. Я не успеваю понять, чего она от меня хочет. Мы молча спускаемся, забираем вещи из гардероба. Я завязываю шарф, забывая, что нужно скрыть дырочку, которая получилась от зацепки. Мы выходим на улицу. На улице идет мелкий, колючий снег. На земле он сразу превращается в грязь, которую перемешивают прохожие. Словно это не грязь, а тесто жизни. Мама хватается меня за руку и разворачивает к себе:

— Так люди черте что обо мне подумают! — строго говорит она и дёргает мой шарф. Она развязывает его, начинает мотать по-новому. — К этому доктору мы больше не пойдём, — добавляет она.

Я смотрю на маму. У нее плотно сжаты губы, а ноздри раздуваются. Она злится. Но мне так ужасно обидно, что я рискую и задаю вопрос:

— Зачем ты женщине про меня гадости наговорила?

Мама ухмыляется, завязывает шарф, но тут же, вновь его развязывает.

— Вся кривая! — восклицает она. — Даже шарф не повязать! У-у-у выродок!

Я хватаю её за руки, вцепляюсь в них, что есть сил:

— Зачем?! — бросаю я ей в лицо.

Кто-то из прохожих обращает на нас внимание. Мама такое не любит и не прощает.

— Ты погляди! — вскрикивает она в ответ и, скинув мои руки, встряхивает меня за грудки. — Давно не получала?! Сейчас получишь! Не посмотрю, что на улице люди! В детдом захотела?!

Детдом — это самое страшное. Мама много рассказывала мне о том, как ужасно в детском доме. Я сдаюсь. Мое сопротивление сломлено.

— Но зачем? — начинаю хныкать я и послушно стою, пока мама крутит вокруг моей шеи шарф.

— Затем, – ворчливо говорит она. – Ты моя! Поняла! Я тебя для себя рожала, чтобы ты со мной была, вот здесь! – Она хлопает себя по бедру. – Я ещё и не такиегадости про тебя расскажу. Никто не захочет с тобой в одном поле сесть. Только я утебя и буду! А ты у меня..., — мама довольно улыбается. – Моя куколка, — ласково говорит она и вытирает мои слёзы, — моя....

Мимо проходят люди. Они вроде косятся на нас, но только мельком. Да и что они могут? Все может только моя мама, а я принадлежу ей.

— Что сказал врач? – равнодушно спрашиваю я.

— Сказал, что у тебя начинается шизофрения из-за плохой наследственности. Из-за папаши твоего. Но я тебе это и так говорила. Это был вопрос времени.

— И что теперь делать? – Все же шарф мама затягивает слишком сильно, и я делаю слабую попытку его развязать, но получаю по рукам.

— Таблетки будешь пить, — говорит мама.

Бабушка.

— Пойди, возьми стул, посмотри у Саши в шкафу.

Мы уже дома, но пришли недавно. Мама еще в прихожей занимается верхней одеждой. Она убрала шубу и достала драповое пальто с енотовым воротником и теперь утрамбовывает вещи своим телом. А я уже успела руки помыть и взять Фоку.

— И что искать? – спрашиваю я, не желая отпускать свою кошечку. Она с нескрываемым интересом обнюхивает мое лицо и от ее носа и усов мне приятно и щекотно, будто она слегка чмокает меня. Мне хорошо.

— Сначала стул поставь, — ворчит мама.

Я неохотно спускаю Фоку на пол. Этой разлукой мы обе не довольны. Фока тут же встает на задние лапы, упирается передними мне в бедро, просится обратно на руки. Я вынужденно отталкиваю ее, ставлю стул к Сашиному шкафу, открываю, забираюсь. Фока тоже запрыгивает на стул.

— Я стою! – кричу я маме.

— Там на верхней полке несколько шарфов. Возьми серый!

Я вижу стопку шарфов, о которых сказала мама. Только среди серого, красного и белого я вдруг замечаю голубой шарф. А я о нем совсем забыла! Бабушка связала мне его на день рождения несколько лет назад. Я его носила всю зиму, а потом мама сказала, что я его потеряла. А он вот! Лежит спокойненько в шкафу! И как я его раньше не нашла? Радость какая! Я хватаю шарф, наматываю его на себя. Он длинный, широкий, плотный, теплый и мягкий. Бабушка своими руками, своими пальцами, час за часом, для меня.... Я утыкаюсь в него лицом. Больше никогда не сниму! Я спрыгиваю со стула, бегу в прихожую.

— Мам! Я этот носить буду! – радостно сообщаю я.

— Не будешь, — едва взглянув, говорит мама. Вещи наконец утрамбованы, она закрывает дверь.

Я хватаюсь за шарф:

— Буду, — упрямо повторяю я.

— Это Сашин шарф, — говорит мама, надевая домашние тапочки. – Пол протри. Видишь? – Она указывает на грязные капли, что остались от нашей обуви.

— Этот шарф связала мне моя бабулечка Люба, — возражаю я.

— Бабулечка? – усмехается мама.

— А ты что, не помнишь? – удивляюсь я. – Я же его всю зиму тогда носила, а потом он пропал, а он, оказывается...

— И что? – перебивает меня мама. – Тебе что, жалко брату шарф отдать? Это твоя любовь к Саше? Ты, значит, жадина?

— Нет, — растерянно бормочу я.

— А кажется, будто да, — улыбается мама.

— Но ведь Саше он сейчас не нужен, — умоляюще говорю я, но уже знаю, что не смогу забрать подарок бабушки. Терялся ли он вообще? Не хочу так думать. Я стягиваю шарф с шеи, опять хочется разреваться.

— Возьми серый, — говорит мама. – Он тебе больше подходит.

Вечером мама рассматривает свою аптечку, выбирает для меня лекарство и дает две таблетки. Я ложусь спать, но мне никак не уснуть. Тошнит и кружится голова. По телевизору показывают шестьдесят секунд или что-то вроде этого, а я из-за двери слушаю. Рассказывают про убийства. Мне страшно. Потом мама делает звук тише и сама ложиться спать. Фока целый час мурлычет мне в ухо, а я все не могу избавиться от странной дрожи в теле. Да еще что-то в спине, типа навязчивой боли, прямо под левой лопаткой. Это что-то новое, раньше у меня болело только под ложечкой.

Мама уже спит. Завтра ей на работу, а через несколько дней у неё день рождения. Я думаю о том, что лучший подарок для мамы — это помочь ей с готовкой и украшением дома, а потом с уборкой. Представляю, где лучше повесить воздушные шарики, которые так любит мама. Наконец, телевизор издаёт долгий протяжный гул. Все программы закончились. Я встаю, отключаю его. Мама что-то бормочет во сне. Я говорю:

— Там уже всё кончилось, мамочка, спи спокойно, — и возвращаюсь в свое кресло. Фока заняла добрую половину, но мне приятно, что она рядом. Утыкаюсь в неё носом и незаметно отключаюсь. Снится бабушка Люба, папина мама. Всё тот же сон. Будто она зовёт меня, и я иду на её голос и выхожу на солнечный свет.

Мы в её квартире, на балконе. На улице яркое лето. Посередине двора стоит огромный клен, и искры солнца купаются в его листве, точно золотые птицы в зеленом море. Где-то рядом шумит папа, но я его не вижу, просто помню о нём.

— Знаешь, почему у тебя здесь вмятинка и здесь? – Бабушка касается пальцем у

меня над верхней губой, а затем на подбородке. Я мотаю головой, а она улыбается, садиться на старенький стул, тянет меня к себе на руки. – Иди, моя любимая. Это потому что ангел Божий рассказал тебе все секреты, а потом вот так палец приложил и сказал: «Тсс» — Она прикладывает свой палец к моим губам, как делают, призывая к тишине. – Вот его палец и отпечатался.

— Какие секреты? – бормочу я. Бабушка улыбается. У неё добрые глаза. Я люблю её так сильно, что только любовь к маме способна поспорить с этим.

— Это только вы с ангелом и знаете, — говорит она.

— Но я ничего не помню.

— Это ничего, — бабушка гладит меня по голове. – Ты все равно их знаешь и в нужный момент вспомнишь. А пока я могу тебе свой секрет открыть, хочешь?

— Очень хочу, — признаюсь я и трогаю вмятину над губой и на подбородке. Это какие же должны быть пальцы, чтобы вот так отпечататься на лице?

— Не бойся трудной части жизни, — говорит бабушка. — Если она пришлась на твоё детство и юность — это не беда, а благо. Если ты устоишь и не сломаешься под обстоятельствами, сможешь быть стойкой и гибкой, как вот этот клён, потом твоя жизнь наладится и будет очень хорошей. Один только закон — старайся оставаться добрым человеком. Помни, что всё всегда возвращается и иногда во много раз больше.

— Мышь, проснись, проснись!

От испуга я начинаю кричать. Проходит какое-то время, прежде чем мне удастся успокоиться.

Глубокая ночь. Мы с мамой на кухне. На полу валяется моё одеяло. Меня страшно мутит. Я реву, но уже не в голос.

— Пойдём обратно, — говорит мама. – Опять ты во сне ходишь.

— Прости, — всхлипываю я. И тут меня рвёт. Всё просто выплёскивается куда-то в сторону.

— Без этого никак нельзя! – возмущается мама. – Гадить-то ты хорошо умеешь! Иди, возвращайся в постель!

Я иду обратно в комнату, тащу своё одеяло. Слышу, как мама ворчит, включает свет на кухне.

— Ты глянь! Все таблетки вырвала! Деньги на ветер!

Меня мучает стыд за то, что я гажу и деньги на ветер пускаю. Маме и так тяжело, а тут еще я. Хочется вернуться на кухню, самой все убрать, но лезть к маме под руку у меня нет сил. Хорошо, что больше не тошнит. Я забираюсь обратно в кресло и заворачиваюсь в одеяло так плотно, как только могу. Представляю, что это бабушка всё ещё держит меня на руках и крепко обнимает. А потом приходит Фока. Она ложится мне на шею и заваливается на ухо. От её веса и тепла всё в голове расслабляется, и я засыпаю крепко и без снов.

Другая девочка.

Мы едем в троллейбусе. Народу много, душно. На улице дождь. Потоки воды льют по стеклам и немного затекают внутрь. Едем в «Океан». В центре города есть такой магазин, и только там можно хорошую рыбу купить. Мама раздражена. Она терпеть не может трястись в давке, и я тоже. Мы прижаты друг к другу, и я стараюсь лишний раз не шевелиться, чтобы еще больше не раздражать маму. У меня странное чувство, что мое тело не совсем моё. Оно точно онемело, как бывает с рукой, когда на ней спишь. А я всё вижу, будто во сне или мне так только кажется. Троллейбус останавливается и нас, вместе с толпой выносит на улицу. Мама открывает зонт. Мне нравится этот звук, когда открывается зонт. По тканевому куполу сразу начинают барабанить капли. Для меня это как музыка.

— Шевели ногами! – поторапливает меня мама. – Нам еще в очереди стоять.

В магазине красиво. Потолки высоченные, как во дворце, и окна огромные. Пронзительно, но очень аппетитно пахнет рыбой. Народу много. В центре магазина все двигаются в разные стороны, будто в замысловатом хороводе. У прилавков —

очереди. Мы уже купили рыбу и селедку, и я теперь сижу на подоконнике, охраняю сумку и жду маму. Вскоре она появляется, просто выныривает из-за чьей-то спины. У нее взбудораженный вид. Она торопливо сует в сумку очередной сверток и заставляет меня подняться:

— Пойдем, пойдем быстрее! – требует она.

Я думаю, что там, видимо, очередь подходит, и хватаю сумку. Мы пересекаем магазин вдоль, к противоположной стороне, но там мама останавливается, растерянно крутиться вокруг себя, смотрит в разные стороны.

— Ты что забыла, где стоишь? – недоумеваю я.

— Ах, вон же она! – восклицает мама и тянет меня за руку. Мы опять пересекаем магазин и оказываемся почти там же, где я сторожила сумку. Мама останавливается около витрины с копченостями. Пахнет очень вкусно. Я хочу есть.

— Смотри! – говорит мне мама и кивает куда-то вправо. Я не сразу понимаю, что она показывает, и около минуты смотрю в упор, но не вижу. – Да девочка же! – раздраженно шепчет мама, склонившись ко мне. – Девочку видишь?

— Конечно, вижу, — удивляюсь я, но уже начинаю понимать, к чему клонит мама. Она иногда так делает, только зачем, я не знаю.

Девочка, примерно моя ровесница, стоит рядом с женщиной в сером плаще. На девочке синяя куртка с капюшоном, из-под которого на плечо выходит русая коса. Еще на ней коричневая юбочка и резиновые сапожки под цвет куртки.

— Я вот такую дочку хотела, — доверительно сообщает мне мама. – Вот прямо такую мечтала. Видишь?

— Угу, — киваю я. Мне становится очень грустно.

— Видишь, какая у нее коса? И носик милый, и глаза большие. Видишь?

— Угу, — кусаю я губы.

— Вот такую дочку я и хотела, а не тебя, — добавляет мама, и её верхняя губа дергается. Затем она вновь смотрит на другую девочку, и на лице появляется мечтательное выражение.

Мы видим, как девочка с женщиной в сером плаще выходят из магазина и идут к остановке. Мама тянет меня за ними. На улице все еще дождь, приходится опять открыть зонт. На мгновение звук дождя по куполу оглушает. Хорошо. Как бы я хотела, чтобы этот звук навсегда заглушил все мои чувства. Но вдруг приходится его закрыть, потому что мы заходит под крышу остановки. Встаем рядом с ними. Мама что-то весело говорит мне, стряхивает капли с одежды, называет дочей и Василинкой. Мне горько. Я знаю — это игра. Так мама производит хорошее впечатление на окружающих. Вскоре она находит повод заговорить с женщиной в сером плаще. Цель достигнута, и женщина улыбается маме, вступает в непринужденную беседу. Другая девочка с любопытством смотрит на меня, кажется, что и она хочет общения, но я не хочу и делаю мрачный вид. Я вижу, как моя мама касается её капюшона, затем находит повод и вовсе его снять. Мама трогает её косу. Такой косы у меня никогда не будет. Мама улыбается. Женщина в сером плаще рассказывает, как сложно ухаживать за такими густыми волосами. И они втроем о чем-то говорят и даже смеются. В какой-то момент мне становится невыносимо. Буквально кажется, что я вот-вот умру. Я вновь открываю зонт и делаю шаг в дождь. Меня никто не останавливает. От остановки, от девочки, от мамы. Еще шаг. Возможно, это единственный способ уцелеть. По зонту бьют капли воды. Мой мир — горячая, иссушающая пустыня, но иногда здесь идет дождь. Он падает с неба и утекает в землю. Он питает мои корни, чтобы потом, в будущем, в моей листве смогли купаться золотые птицы.

День рождения.

— Сыночка! Сыночка! – просыпаюсь я от криков мамы. – Ой, мой хороший! Как я рада! Мы тоже скучаем! Все хорошо.... Я уже поняла.... Отпуск? Прекрасно! Поедем на юг! Все вместе! И Василинку возьмем!

Мама говорит по телефону с братом, а я встаю, убираю кресло. Фока умывается. Все мое внимание приковано к их разговору. Я уже поняла, что Саша не приедет на день рождения, и надеюсь, что мама позволит нам поговорить, и я услышу брата. В какой-то момент она зовет:

— Мышка! – и я все бросаю, бегу к телефону.

— Привет сестренка! – говорит брат, и я млею от нежности к нему. Даже не знаю, почему я так его люблю, ведь я его почти не помню. Мы всегда где-то в разных местах. Когда он дома, я в пионерском лагере. Когда дома я, он в военном училище или еще где-то. Между нами десять лет разницы. Иногда я думаю, что эти года как-то связаны с постоянным расстоянием между нами. Мама говорит, что он нянчился со мной, когда ушел мой папа, но я и этого не помню. Вообще, от наших редких встреч у меня лишь обрывочные воспоминания. Вот брат везет меня на санках. Вот он несет меня на плечах. Мы часто с ним смеемся, и в памяти у меня к нему только любовь. Мама говорит мне, что я никогда не смогу стать, как Саша. Но я не переживаю об этом, пусть Саша будет во всем лучше меня, только пусть он будет рядом.

— Братик..., — выдыхаю я в трубку.

— Как твои дела? Как в школе? – спрашивает брат, и я слышу по голосу, что он улыбается. Мне сразу хочется рассказать все и обо всем, и я знаю, что нужно торопиться. Мама терпеть не может, когда мы долго разговариваем.

— Я в школе в конкурсе победила, и еще мамин друг сказал, что у меня хорошие стихи, — выпаливаю я. – Он сказал, что, может быть, их издадут. Можешь себе представить?! А еще Фока из дома уходила, но потом вернулась! А еще...

— Все, хватит! – мама резко отбирает у меня трубку телефона и отпихивает в сторону.

Я не обижаюсь. Разве можно обижаться на того, кто сильно-сильно соскучился по любимому человеку? Я маму понимаю. К тому же мне ужасно весело. Я весело иду в ванну, весело чищу зубы. В голове играет песенка из мультфильма «Кот-Леопольд»: Кручу, кручу, педали кручу.... Я мычу песенку и вижу Фоку, которая сидит в дверном проеме и смотрит на меня с интересом.

Чуть позже мама на нервах. Она подцепляет вилкой и пальцами бигуди из миски с кипящей водой. Быстро дует на пальцы и торопливо накручивает волосы. На ней еще домашний халат, но лицо уже накрашено.

— Давай, мыш, быстрее, — поторапливает она меня. – Скоро уже гости придут. Дурацкое пиво! Зря только спала в бигудях, все распустилось!

Я одета в платье с длинным рукавом. Платье красивое, но очень колючее. Мне в нем жарко и потно. Хочется распустить пояс, а лучше вообще переодеться. Но шансов на это нет. Так что я просто терплю.

Стол накрыт. Я ношу последние тарелки и раскладываю приборы. Стол богатый, красивый и невероятно вкусно пахнет. У меня текут слюни, и Фоку приходится постоянно отгонять. Тайком от мамы я ворую кусок красной рыбы, и мы с Фокой едим его, поделив по-братски. Мама надевает костюм, сшитый специально к этому дню, и я слышу, как она в прихожей «пшыкает» на себя духами.

— Доча! – зовет она, и я понимаю, что режим «Василинка» включен. А значит, скоро все превратится в сон. Я выхожу в прихожую. – Ну как? – спрашивает мама и улыбается.

— Ты очень красивая, — честно говорю я. Но так мне кажется все время.

— Спасибо, — кокетливо отзывается мама и осматривает себя в большое зеркало. – Ты для студня место оставила? – Я отрицательно мотаю головой. – Ну, так оставь! – восклицает мама и закатывает глаза.

Пока двигаю тарелки и салатницы, чтобы освободить место, ворую со стола еще кусок колбасы и сыра. Фока больше не просит еды. Она сидит на подлокотнике моего кресла, довольно щурится и моет мордочку. Начинают приходить гости.

Праздник.

— Доча, возьми цветы! – просит мама и радостно смеется.

В коридоре небольшая толчея. Одновременно пришли три новые мамини подруги.

— Василина?! Какое красивое имя!

— Да с этим именем такая история...

Я забираю букет роз и лилий и несую их на кухню. Здесь уже подготовлены вазы. За мной заходит мамин друг и спрашивает, где штопор. Я достаю для него прибор, а сама с тоской думаю о Павле. Когда же он придет? Раздается очередной звонок в дверь.

— Василинка, открой!

Я открываю. Это тетя. Совсем одна, без моих сестер и бабушки.

— Здравствуй, — серьезно говорит она и вздыхает. — Где мама?

— Доча, кто там?

— Это тетя Катя!

На секунду мы с тетей замираем, смотрим друг на друга с опаской, ждем, что последует дальше. Но дальше ничего не следует. Мама говорит в большой комнате с подругами и смеется. Я достаю для тети тапочки. Забираю у нее букет хризантем, несую их на кухню.

— А ты что одна?! — слышу я возмущенный мамин возглас.

— Да, мама плохо себя чувствует.

— А девки, где? Что уже не считают нужным тетку поздравить?

— Ой, сестра, ты как будто не знаешь....

— Нет, ты объясни, почему племянницы, которым я все делаю, решили не приезжать? Это ты их настроила? Я им сейчас позвоню...

Хлопает шампанское.

— С днем рождения!

— Тост! Тост!

Я стою на кухне совсем одна, рядом с вазой, уже набитой цветами. Честно говоря, я

рада, что сестры не приехали. Обычно их приезд заканчивается скандалом, а иногда и дракой. Дерутся, конечно, не они, а мама и тетя Катя. В последний раз дралась еще и бабушка, мамина мама. Было очень страшно, и я пыталась их разнять. А потом они вдруг просто перестали, и мы поехали домой. Но потом, ночью, я проснулась от сильной жажды, а когда пришла на кухню, то у меня так перехватило горло, что я не могла дышать. Мне пришлось лечь на пол и долго лежать, задыхаясь и хрипя. Стало лучше, когда пришла Фока, но мама об этом не знает. Я не хотела ее беспокоить. Так что теперь я немного радуюсь, что драки не будет. Еще несколько минут я рассматриваю цветы, удивляюсь, как причудливо они устроены, а потом раздается звонок в дверь, и я бегу без зова мамы, втайне надеясь, что это Павел. Но нет, это опять мамина подруга.

Все едят и выпивают. Ем и я. В моем бокале вкуснейший клубничный компот. Я почти забыла о Павле, о колючем платье, и тесные туфли сняты и лежат под стулом. Фока в центре внимания. Она лежит в кресле и, кажется, подслушивает. По крайней мере, ушки у нее ходят ходуном, хоть глаза и закрыты. Она все еще худая, но уже поправляется. Мама долго и интересно рассказывает историю о том, как Фока убежала, как мы ее искали, как она сама вернулась. В ее версии нет драмы, а только веселье и удивление. Это ее фирменный стиль.

— Как же она смогла найти дорогу? – спрашивает кто-то из гостей.

— Умница, — говорит кто-то другой.

— Умная, но вредная ужасно! – восклицает мама. – Разбила все мои вазы! Хрусталь!

— Неужели? – удивляются гости.

— Представь, идет и лапой вот так, — мама изображает, как Фока лапой скидывает вазу.

— Но почему?

— Зачем?

— Мама ее наказала, — зачем-то говорю я и тут же жалею об этом. Мамин гневный взгляд вызывает у меня сжатие горла. Я кашляю.

— Не говори чушь, — говорит мама и вдруг смеется. – Ссыт она из вредности! Я ей

рыбку варю, а она гадит!

— Но может...

— Все хватит, хватит о кошке!

— Тост!

— Тост!

И тут снова раздается звонок в дверь. Я радостно вскакиваю. Теперь это точно Павел, больше некому. Бегу открывать.

— Кто там? – кричит мама.

— Это я, — отзывается Иван Николаевич.

Передо мной стоит папа моего брата. У него в руках букет роз и пакет.

— Еще выросла, — тепло говорит он, зажимает букет подмышкой и достает из пакета маленькую коробку импортных конфет. Он протягивает ее мне. – От мамы спрячь, это только тебе, — говорит он и подмигивает.

Глядя на него, я вспоминаю, как выглядит мой брат, будто Саша все же немножко здесь. Это мне ужасно нравится. Я улыбаюсь и торопливо прячу конфеты в полку для обуви. В самой глубине, за старыми кедами, она пролежит совсем недолго.

Сколько я себя помню, Иван Николаевич всегда был где-то рядом, всегда искал встречи с сыном. Но он, как и мой папа – предатель, и Саша, чтобы быть верным маме, наотрез отказался с ним встречаться. По-крайней мере, так говорит мама, ставит мне брата в пример. А мне кажется, что Иван Николаевич человек хороший, и не только потому, что он принес мне конфеты. Он хороший, потому что продолжает пытаться, приезжает, терпит мамины слова и все ради Саши. От всех этих мыслей меня вдруг накрывает такое сожаление, что я не выдерживаю и бросаюсь к Ивану Николаевичу на шею, обнимаю его. Он тоже меня обнимает.

— Привет, Василек, — он похлопывает меня по спине. – Я тоже очень рад тебя видеть.

Я едва сдерживаю слезы.

— Какими судьбами? – холодно спрашивает мама. Мы ее не заметили и теперь отпрыгнули друг от друга. Взгляд у нее почти такой же, как тот, которым она смотрит на меня, когда мы наедине. Я поспешно и виновато начинаю возиться с курткой нового гостя, пристраиваю ее на переполненную вешалку.

— У тебя же день рождения, — миролюбиво говорит Иван Николаевич.

Мамина бровь подскакивает вверх:

— Поздравить решил, — насмешливо спрашивает она и добавляет: — А Саши нет.

В большой комнате раздаются голоса и смех.

— С днем рождения, — вздыхает Иван Николаевич. Он протягивает ей цветы и пакет. – Это тебе.

Мама кивает мне, и я забираю дары. Уже привычно несу их на кухню. Тут уже скопилась небольшая гора подарков, а для роз Ивана Николаевича приходится наполнять трехлитровую банку. Я еще немного задерживаюсь на кухне. Мне не выносимо грустно, и я плачу в шею Фоки. Она терпеливо сидит и ждет, когда я успокоюсь.

Ближе к вечеру часть гостей уходит. Остаются только самые близкие. Все уже пьяненькие. Большая часть угощений съедена. Доедают горячее. У меня не привычно полный живот, и платье развязалось само собой. Больше есть не могу. Думаю о том, что, к сожалению, нельзя наестся или наспаться впрок. А как было бы удобно... Мужчины уходят на очередной перекур. За столом одни женщины.

— Ты же говорила, что у тебя новый друг, — в какой-то момент говорит тетя Катя.

— Да! – подхватывает подруга мамы.

— Ой, — отмахивается мама. – Можете забыть. По детям оказался.

— Да ты что?!

— Ага, — кивает мама. – Начал к ней клеиться. – Она кивает на меня, и все

поворачиваются в мою сторону. Я замираю. Ожидаю всего чего угодно. Уже давно этот вечер превратился для меня в странный сон. В этом сне живет какая-то Василинка, с которой у меня нет ничего общего. Даже одни и те же люди в наших мирах играют разные роли.

— Мало мне, что она надо мной издевается за мою любовь, так еще пед*лов теперь гонять надо. Наплел ей, что у нее стихи хорошие. А эта и не поняла, что дело не в стихах, а в том, что он пед*ил. Стихи..., кому они нужны?

— Но, как ты это поняла?

— Надеюсь, он не успел ее обидеть?

— Не волнуйтесь, — кивает мама. – Обидеть не успел. Я его раньше раскусила. А пед*ила я всегда узнаю. У меня опыт.

— Опыт?

— Давайте чаю! – нервно восклицает тетя Катя.

— Да, — игнорирует ее мама. – Моя мать меня пед*илу продала, когда мне лет восемь было. Теперь я их быстро раскусываю.

Тетя Катя порывисто встает и выходит из комнаты.

— А что ты говоришь, что Василинка над тобой издевается? – спрашивает кто-то из подруг. – Такая хорошая девочка.

— Хорошая? – усмехается мама. – А меня ненавидит. Все мои фотографии изуродовала. Глаза мне выцарапала, правда, доча?

Я молча киваю.

— Что ты, детка? — испуганно говорит одна из женщин. – Мама — это святое, с нее пылинки сдуть надо. Она же тебя родила.

— Это вот какая-то современная неблагодарность детей, — говорит другая женщина. – Сейчас дети не такие, как были мы.

Разгорается беседа о нерадивых детях и матерях героинях. Мама довольна, она кивает и улыбается. Смотрит на меня с насмешкой. Я заслужила, ведь это правда, что я испортила фотографии. Мне стыдно. Но одновременно с этим я не могу не

думать о Павле. Неужели это правда? Неужели он такой же, как тот урод из маминого детства? Неужели я была так слепа? С облегчением слышу, что хлопают входные двери. Вернулись мужчины. Хорошие и добрые. Не буду больше думать о Павле.

— Василинка, помоги тёте с чаем, — ласково говорит мама. – Горе ты моё луковое. Ох, уже чувствую, как я с ней намучаюсь. А всё оттого, что балую, люблю сильно мою Василинку....

Я поднимаюсь, выхожу из комнаты. Думаю о своей тетрадке со стихами. Уже понимаю, что не смогу восстановить их по памяти. Значит, потеряны стихи, потеряны навсегда. За спиной слышу:

— Ну, это же нормально дочку любить, — говорит кто-то из женщин.

— Что ты! Она такая сложная девочка! — восклицает мама. – Всё время врёт, обзывается, дерется. Я бывает, и боюсь её.

— Да ты что?!

— Неужели?

— Да, да, — говорит мама. – Наследственность. Папаша то алкоголиком был. Болезненная. Спит очень плохо. Невропатолог сказал, может быть, шизофрения. А какие она мне истерики закатывает...

В недоумении я застываю в прихожей. Неужели никто не усомнится в её словах? Никто? Я жду, но никто не возражает, и так всегда. Никто. Значит, я похожа на такую девочку, значит, они верят. Смотрю на себя в зеркало и не понимаю, неужели я такая? Или это Василинка? А кто же тогда я? Окружающее пространство кажется туманным. Ко мне подходит мамин друг, шепчет:

— Иван просил позвать тебя тихонько. Он на балконе. Сходи.

Иван Николаевич

На общем балконе, по случаю дня рождения моей мамы, установлена пепельница из консервной банки. Она уже наполовину наполнена. Иван Николаевич стоит, облокотившись на ограждение, и курит.

— Пришла, — замечает он меня.

— Угу, — я встаю рядом.

— Как Саша, — сразу спрашивает он.

— У него все хорошо. Не пустили сейчас, но скоро в отпуск приедет.

— Хорошо..., — вздыхает он, — сынок...

В его словах такое чувство. Оно похоже на мою тоску по папе. Сколько можно такое выдерживать? Мне хочется сделать для него хоть что-то хорошее. Но что я могу? Я прижимаюсь головой к плечу Ивана Николаевича. Он вздыхает, затем глубоко затягивается сигаретой.

— А твой батя, как?

— Звонит, — говорю я.

— Не пускает она его?

— Нет.

— Ты же знаешь, что он тебя любит?

— Наверное, — неопределенно говорю я. — Мама говорит...

— Не слушай ты, что говорит твоя мать! — с отчаяньем восклицает он. — Змеиный язык! Все клевета, ложь! — Он трясет головой. — Прости меня, прости, Василек. Проблемы у твоей мамы с этим, ну, — он прерывается, чтобы вновь затянуться. — Проблемы у нее, короче.

Где-то минуту мы молча, стоим. Я наблюдаю за голубем, который бессмысленно ходит по двору и тыкает клювом в разный мелкий мусор. Он ищет пищу там, где никогда ее не было, но он об этом не знает. Погода тихая, небо затянуто облаками. Ветра совсем нет, и даже не зябко, хотя только конец марта.

— Ты понимаешь! — неожиданно с жаром говорит Иван Николаевич. – Я бы на всё это не обратил внимания! Плевать, что она ненормальная! В конце концов, когда знаешь, легче не замечать. Я бы это терпел. Но она требует, чтобы я на неё квартиру свою переписал! А я боюсь! Понимаешь, боюсь, что когда я квартиру перепишу, она меня на помойку выкинет!

Я вспоминаю слова мамы и говорю:

— Лучше не надо.

— Вот и я думаю..., — согласно кивает Иван Николаевич и похлопывает меня по руке. – Я был бы рад, если бы ты была моей дочкой, — улыбается он. – Но и так неплохо. Ты себя береги, знаешь, не становись такой как она..., нарасти броню.

— Я не умею, — вздыхаю я.

— Вот и я... — вздыхает Иван Николаевич. – Понимаешь, мне ведь не жалко сыну квартиру отдать. Кому ещё её отдавать?! Всё родительское остаётся детям. Но ваша мать.... Думаешь, он когда-нибудь захочет сам разобраться?

— Обязательно захочет! – убежденно говорю я, ещё не зная, что Иван Николаевич умрёт, так и не дождавшись благосклонности сына. – Саша вас любит, просто всё очень сложно.

— Да, Василёк, я понимаю.

Василёк мне нравится. Если бы Иван Николаевич был моим папой, я была бы Васильком, а не мышью. Он обнимает меня за плечи, и так мы стоим целую вечность. Как жаль, что Саша считает его предателем.

Конец праздника.

— Всё, что происходит дома за закрытой дверью, должно оставаться дома за дверью! – восклицает моя мама.

Похоже, моего отсутствия она не заметила. Я проскальзываю на кухню, беру две последние чашки и несу их в большую комнату. Иван Николаевич уже за столом, кушает салат и выглядит так, словно сидит здесь уже давно.

— Нельзя выносить сор из избы! – заявляет мама. – Всё должно быть спрятано. Люди не поймут...

Я ставлю чашки на стол и сажусь на свое место.

— Да, да, — согласно кивает тетя Катя.

— Это очень удобная позиция, — говорит Иван Николаевич, — для тех, кто за закрытыми дверями творит зло.

— О каком это зле ты говоришь? – удивляется мама.

— Ты сама всё знаешь!

Тётя Катя поворачивается ко мне и натужно улыбается:

— Василинка, а что ты только чай принесла, а торт?

Я удивлённо смотрю на нее. Хоть она и является моей родственницей, но я едва могу припомнить хотя бы один полноценный разговор с ней. Наши попытки общения всегда жёстко пресекаются мамой. Поэтому каждая наша попытка — для меня событие.

— Мама не говорила, — бормочу я.

— Но ведь это и так понятно. Давай, я тебе помогу со свечами. – Она встаёт и тянет меня за собой. Мы идём на кухню, а в это время, в большой комнате, разгорается спор. Я догадываюсь, что меня увели от скандала. Только зачем? Что я скандаловне слышала? Тётя прикрывает за собой дверь. Я понимаю, что, возможно, случая уменя больше не будет, и поэтому первая начинаю разговор.

Почему?

— Почему бабушка вас била и ставила на горох? – прямо в лоб спрашиваю я.

Тетя вздрагивает, удивленно смотрит на меня. Она явно не ожидала моего вопроса. А там, за дверью, в районе большой комнаты, повышаются голоса, и я слышу взрослую ругань.

— Давай не сейчас, — улыбаясь одними губами, бормочет тетя. – Лучше скажи, собирается ли твоя мама куда-нибудь ехать в отпуск? У нее ведь отпуск скоро, да?

— Да, — киваю я. – Саше тоже отпуск дают, и мы все вместе поедem к маминой подруге на юг. Но вот я бабушку хотела спросить, но она не приехала. Может быть, вы знаете, зачем она маму продала пед*илу?

— Вот чёрт! – говорит тетя Катя и морщится. Из прихожей слышится брань.

— Как вы думаете? – я настойчиво дергаю тётю за рукав.

— Отстань, а, – бросает она мне, опирается спиной на дверь и закрывает глаза. – На юг, значит..., — бормочет тетя.

Крики в прихожей нарастают. Я слышу только мамин голос. Знаю, что она сейчас на стадии атаки криком. Это еще не очень опасно.

— Интересно сколько стоят билеты? — продолжает бормотать тетя.

— Тетя, — тяну её за рукав. – Ответь. Зачем бабушка изуродовала маму? Скажи мне, почему... — Даже возможность просто озвучить эти вопросы приносит мне

облегчение. Я не жду ответа. Но вдруг она распахивает глаза, хватая меня за плечи и говорит громким шепотом:

— Послушай, твою мать никто не уродовал. Она с самого начала была такой. Я ее другой не помню. Про то, что мать её продала, я ничего не знаю. Мама говорит, что это клевета и про ножницы клевета. Может, она в отца своего такая. Выродок! И гороха никакого не было... – тетя осекается, поворачивает голову в сторону прихожей, откуда несется мамин крик. — Не велела она с тобой говорить. Отстань!

— А что она велела?

Тетя смотрит на меня, на лице появляется улыбка:

— Дети, — качает она головой. — Просто побудем пока здесь...

Я не хочу слушать, как мама ругается с Иваном Николаевичем, вновь тяну тетю за рукав:

— Расскажи о вашем детстве, расскажи об её отце, всё, что знаешь...

Тетя опять удивленно смотрит, она не ожидала моего упрямства:

— Да я ничего не знаю! – восклицает она. – Ишь, ты...

— Кто мой дед? Кто прадед? Почему мама такая злая?!

— Да уж, — кивает тетя Катя. – Но кто её разберет. Знаешь, к людям надо уметь приспособливаться. Подстройся под неё. — Тетя вновь оборачивается в сторону прихожей.

Мы слышим мамин возглас: «Не поздновато ли ты очнулся? Не нужен ты Саше! Он тебя ненавидит!» и не внятные слова Ивана Николаевича. Я понимаю, что он уже уходит, и не хочу упускать его:

— Пусти меня, — требую я.

Тётя мотает головой. И тут я, наконец, понимаю, что увели меня специально. Что, на самом деле, мама заметила наше отсутствие и даже успела подготовить наказание. Я просовываю руку за тело тети, дергаю ручку двери, но её вес мне не сдвинуть.

— Пусти! – взвизгиваю я, но решимости бороться с тетей у меня нет. Она, вроде,

понимает это, расплывается в улыбке.

— Я тебе про прадеда твоего расскажу, хочешь? Только отойди.

Я слышу, что взрослые вышли в общий коридор. Еще несколько секунд, и я уже не смогу догнать Ивана Николаевича, а здесь тетя со своим предложением. Я отхожу от двери и складываю руки на груди. Я ужасно злюсь на тётю, на маму, но что я могу поделать?

— Ну?! – гневно бросаю я.

— Так, ну что... — бормочет тетя. – Расскажу, что знаю...

— Ну!!!

— Да подожди ты! Дай собраться с мыслями... уф. Значит, мой дед, твой прадед. Мало я знаю, мама не любит об этом говорить. Знаю, что жили хорошо, крепко, в центре Петербурга. А потом в один день пришли и забрали маминого отца. Куда? Неизвестно. Больше его никто не видел. А потом выселили бабушку, твою прабабушку, значит, из их дома. Она с детьми пошла жить в какую-то коммуналку. Потом война. Выжила только мама и её сестра. Мда.... Ох... ты представляешь, что такое война?

— Как в Чечне?

— Нет, Великая Отечественная....

— Знаю, что бабушка блокаду пережила...

— Да, мама блокаду пережила. А потом её за то, что она с голоду хлеб украла, сослали из Ленинграда. За кусок хлеба.... Мда.... Твоя мать там и родилась, а через пару лет и я там родилась. А это бараки.... Чего там только не было.... Не хочу.... — мотает головой тетя Катя. — Прошло и забыто. А потом маму в город вернули и работу, и квартиру дали. А мать твоя, какой родилась, такой и осталась. – Тетя шумно выдыхает. Потом смотрит на меня и вдруг хватается за губы, сжимает. Больно. — Скажешь матери, что я тебе рассказала, прибью!

— Ты ничего и не сказала, — говорю я, освобождая губы.

За столом совсем пусто. Почти все уже ушли. Осталась тётя Катя, друг мамы, подруга и сама мама, а ещё я. Я совершенно опустошена. Иван Николаевич ушёл, Павел оказался уродом. Все вокруг убеждены, что я неадекватная, но сильно любимая дочь. Я самая настоящая мышь в мышеловке. Может быть, однажды я просто задохнусь? Мама тоже грустит, ведь этот праздник закончился, а до Нового года еще далеко.

От торта осталось пара кусков, и я в тайне мечтаю припрятать его в холодильник, но не могу придумать подходящий повод.

— Все мужики козлы! – грохает по столу кулаком мама. Она сильно выпила и зачем-то продолжает пить. Завтра ей будет плохо. – Предатели! Я ему сына родила! Сына! Он должен быть благодарен мне, в ногах валяться. А он бросил меня, бросил, когда я беременной была. Я рожала, а он с новой бабой знакомился, с её родителями. Квартиры ему жалко....

— Но он, же сейчас в ногах. Он пришёл, ищет твоего прощения, — тихо говорит подруга.

Я понимаю, что это с её стороны ошибка. Нельзя в такие моменты не жалеть маму. Нужно помочь ей пережить то, что её обидели. Тётя Катя усмехается, она тоже это знает. Мама бросает на подругу гневный взгляд:

— Не знала я, что ты такая..., — говорит она, и ноздри её расширяются. Это верный признак гнева.

— Какая? – искренне удивляется подруга.

Я уже знаю, чем всё это закончится. После короткой перепалки подруга уходит, чтобы никогда не вернуться. Но это ничего, обычное дело, пусть уходит. С новыми людьми маме гораздо легче. Потом уходит друг, получив отказ в ночёвке, затем уходит и тётя Катя. Мы снова втроем: мама, Фока и ...

— Мышь! – зовет мама, и я послушно иду к ней. – Садись, — указывает она на стул рядом. Мама доедает торт, и я с тоской оглядываю опустевший стол. Мама стучит меня ложкой по лбу, затем облизывает её. Я потираю будущую шишку. — Значит

так, — заплетающимся языком говорит она, — слушай сюда, отходы моей жизнедеятельности. Будет так, как мне надо. Ты можешь сколько угодно выступать, пытаться привлечь к себе внимание, но я тебя все равно сломаю. Запомни это. Я решаю твою жизнь, я решаю, какой ты будешь, где ты будешь, с кем и когда. Ты мой придаток, моя вещь. Будешь упираться, я тебя и родных, и семьи лишу. И всех спасателей твоих я от тебя отважу, никто тебе не поможет. Сдохнешь, а меня жалеть будут. Поняла?

— Да, мама, — киваю я. У меня больше нет сил.

— И еще я тебе про бабушку твою расскажу, про Любу. Ты ее бабулечкой называешь.... А она.... Она тебя никогда не любила. Врала просто. Хотела тебя у меня отобрать. Только я взяла и перестала тебя привозить, — довольно улыбается мама. — Уж она звонила и звонила, плакала и плакала. Умоляла меня! – поднимает она ложку вверх. — А я? А что я? Я ни в какую! А потом она и померла! Чет-то там с сердцем.... И глянь! Все, что тебе досталось, — только золотое кольцо, которое она тебе на последней встрече подарила. Вот и вся ее любовь! Нет... эти выродки на любовь не способны.... Никто не будет любить так, как мама, никто.

Я укладываю маму в постель, накрываю ее одеялом. Она уже спит, беспомощно стонет и бьется во сне. Кажется, моя мама больна. Я сижу на полу рядом с ее постелью, пока она не затихает. Потом долго лежу в темноте, смотрю в потолок. В голове без умолку рождаются стихи, но они все пропитаны болью, и я не хочу их записывать. Зачем? Они никому не нужны, кроме пед*лов. Перед моими глазами постоянно возникает образ плачущей бабушки. Я хватаю его прежде, чем успеваю подумать, окружаю белым туманом и зашвыриваю как можно глубже в себя, туда, куда мне самой не дотянуться. Фока лежит вдоль моего тела, на левом плече, приобнимает меня лапой. Она не мурлычет, но каждый раз, когда я невольно всхлипываю, она слегка выпускает коготки, которые впиваются в меня чуть ниже левой ключицы. И в этой остроте сейчас вся моя жизнь.

Утром у мамы болит голова. Она повязала на голову полотенце и медленно, осторожно передвигается по квартире. Мы разбираем её подарки, вспоминаем прошедший праздник. Мама не довольна.

— Вот с*ка! – слабо негодует она. — Я ей специально вино покупала, а она мне этот вонючий платок подарила! Ненавижу баб! На фига он мне? – Она вопросительно смотрит на меня.

Я пожимаю плечами. Платок вроде хороший: расписной, нарядный, но возражать маме я не хочу. После её дня рождения мне кажется, что мир стремительно сжимается. Будто за окном уже ничего нет, только тьма, чёрный вакуум, поле недоступности. Надеюсь, когда Саша вернётся, станет легче.

— Сколько денег потрачено... а подарки — фуфло! – качает головой мама. — Запомни, мыш, все эти друзья — халява! Не нужны они. Только я у тебя и есть.

Клетка.

Вечер. Мама пришла с работы, а у меня осталась грязная тарелка и вилка с обеда. Даже не знаю, как я про неё забыла. Я пытаюсь помыть прямо сейчас, но это уже невозможно.

— Ты что тут усторила?! – кричит мама.

Я надеюсь на поток ругани, но мама налетает на меня. Я успеваю сильно зажмуриться и все погружается в белую вспышку. Прихожу в себя в постели. Вроде уже завтра. Не могу понять, куда делся вчерашний вечер и что вообще было? Спрашиваю у Фоки. Она охотно отвечает, только я не знаю кошачьего языка. В итоге просто прижимаю её к себе и слушаю, как она мурлычет. Люблю.

Мама залетает в комнату, как птичка – веселая и легкая. Открывает форточку, и я слышу крики воробьёв, проезжающий автомобиль и прочие звуки жизни. По её манере и взгляду я понимаю, что сегодня особенный день. День, когда мама будет меня любить.

— Завтракать, мышка, вставай! – Мама улыбается мне приветливо, склонив голову на бок.

Я смотрю на неё и не могу улыбнуться в ответ. Внутри у меня онемевшая пустота. Я знаю, что скоро она начнёт злиться на мою неблагодарность, но пока это меня не волнует. Меня ничто не волнует.

— Гулять пойдём? Купим тебе что-нибудь, новое платьице, — не сдаётся мама. – Ты же хотела!

Действительно. Я хотела новое платье. Около месяца назад я призналась в этом маме. Но сегодня всё совсем не то, что месяц назад.

— Мне плохо, — говорю я. У меня почему-то только одно желание — свернуться в комочек и зарыться как можно глубже. Хорошо бы, если бы постель стала землёй, тогда бы я прорыла ход в самую её глубину. Главное, чтобы ход был длиннее, чем лапа тигра.

— У тебя же скоро день рождения, — весело продолжает мама и включает телевизор. – Пригласим твоих одноклассников. Тебе будет двенадцать лет! Вот какая ты уже взрослая.

Она переключает каналы, пока не находит мультики. Показывают Винни Пуха. Мне нравится этот мультик, и я начинаю его смотреть. Позже встаю, иду в ванну. Проходя мимо зеркала, смотрю на себя и не узнаю. Лицо опухшее, но нет никаких следов вчерашнего скандала. Только на плече синяк или он был?

— Мышь! Ты, где там?

На завтрак яичница, которую я очень люблю. От неё у меня никогда не болит живот.

— Смотри, твоя Фока меня поцарапала, — смеюсь, говорит мама и показывает мне свежую, ярко-красную полосу, которая протянулась по всей правой голени.

Я ем яичницу. Вкуса у еды нет, просто что-то тёплое. Мне постоянно хочется подтянуть ноги к груди, хочется сжаться в комочек. Но мама не разрешает поднимать ноги, шлёпает по рукам, если я пытаюсь себя приобнять.

— Сиди нормально, а то всю перекорёжит, — предупреждает она.

Я стараюсь помнить, что скоро мне станет легче. Так всегда бывает после белых

вспышек. Но я так устала, так неистово устала. Я вяло смотрю на мамину царапину, ищу глазами Фоку. Она замерла на входе в кухню и не заходит. В миске у неё нетронутая еда. Фока сидит, окружив лапки хвостом, и внимательно смотрит на меня. Я ей киваю, она в ответ издаёт короткий «мур» и идёт ко мне, запрыгивает на диван рядом со мной. Она трогает меня лапой, и я даю ей кусочек яйца, который она жадно ест.

— Вот дрянь, упрямая, — весело говорит мама. – Своё жрать не захотела, человеческое ей подавай.

После завтрака мама помогает мне собраться. Мне трудно двигаться, потому что не хочется. Мне хочется застыть, превратиться в камень, который никому не нужен. Мама подбирает одежду, заплетает мне волосы, и мы идём гулять. Погода прекрасная, солнышко. В середине апреля редко бывает такая хорошая погода. У первой же тележки с мороженым мама покупает мне эскимо. Я бездумно срываю белую обёртку с голубой надписью и бросаю её в мусорку. Затем методично объедаю шоколад. Мороженое я не хочу. Мама ворчит, но мороженое забирает, съедает сама. Мне всё ещё не хорошо, а от шоколада теперь кисло во рту. Мы приходим в парк. Здесь есть разные аттракционы, и другие дети бегают вокруг, кричат и смеются. Я чувствую себя инопланетянкой. Какой смысл бегать и радоваться без причины? Глупость какая-то. Мама покупает билеты на качели.

— Она ещё маленькая, — вяло говорит парень, проверяющий билеты. – Ей рано.

— Я сама решу, кому рано, — безапелляционно заявляет мама и окатывает парня таким презрением, что он растерянно отступает в сторону. Когда я вижу, как мама управляет людьми, я верю, что она может всё. Мы заходим в железную клетку.

В этих качелях нужно качаться вдвоем, стоя напротив друг друга и держась за железный поручень. Вокруг — железная решетка-короб два метра в высоту. Силой раскачивающегося тела и ног, упирающихся в пол, начинается движение клетки. Цель в том, чтобы клетка крутилась, совершая полный круг. Когда клетка на самой вершине делает переворот, ноги сами отрываются от пола, и захватывает дух. Этот момент мама очень любит. Она кричит, требуя, чтобы мы достигли этой вершины как можно скорее:

— Толкай, мышь, давай! Зря я тебя кормлю что ли?!

Я толкаю. Я стараюсь изо всех сил. Временами пальцы соскальзывают с поручня, и меня швыряет в сторону. Страх, возникающий в эти мгновения, легко мной преодолевается. Сегодня он кажется мне неубедительным, ведь мои чувства не имеют значения. Я возвращаюсь к поручню и вновь толкаю. Клетка достигает своего пика, и мама весело кричит, смеется. Мне, вроде, тоже становится весело. Кто-то останавливается рядом с аттракционом, наблюдает за нашим развлечением, потом идет дальше. Мы вываливаемся из клетки взлохмаченные, запыхавшиеся. Меня почти не держат ноги. Мама невероятно довольна, она смеется, а что еще нужно? Вечером она рисует мне на плече сетку йодом, приговаривая:

— И где ты такой синичище поставила? В клетке, наверное, дуреха!

Я пытаюсь вспомнить, но помню только белую вспышку и неистовое кручение в клетке.

Подруга.

После того как Фока ушла и вернулась, она изменилась. И дело не только в том, что она похудела. Теперь она стала задумчивой, часто сидит у входной двери и, когда я прохожу мимо, смотрит на меня и издаёт короткое «мяу». Мне всё время кажется, что она хочет выйти, но мама говорит, что тогда она точно убежит и уже не вернется. Я этого очень боюсь и поэтому просто забираю Фоку от двери и стараюсь её отвлечь.

Сегодня суббота, и мама пришла с ночной смены. Спать ещё не ложилась, ждёт соседку, чтобы попить кофе. Я сижу на полу в большой комнате и играю с Фокой. Мама стоит на стуле, копается в верхнем ящике. Она ищет мне подходящую для крещения рубашку.

— Держи, — говорит мама и бросает в меня какую-то тряпку. Я не успеваю поймать, и она падает рядом. — У! Лошадь безрукая! – восклицает мама.

— У лошади и так нет рук, — бубню я и поднимаю вещь.

— Поговори мне ещё! Меряй!

Я оставляю игру, встаю, примеряю вещь. Это новая ночная сорочка из хлопка с коротким рукавом и ниже колена.

— Сгодится, — довольно говорит мама, одёргивая её на мне. – Вообще-то бабка твоя Люба, говорила, что крестила тебя, — задумчиво произносит мама. – Ещё в младенчестве.... И имя такое называла — короткое и грубое. Но надо снова. В дорогу, говорят, хорошая примета — покреститься.

У мамы скоро отпуск и у Саши тоже, и мы все вместе поедem на юг. Ещё с нами поедет двоюродная сестра, дочь тёти Кати, но я не против этого. Мне всё ещё нравится быть среди родных людей, и я всё ещё надеюсь найти в семье своё место.

— Что за имя? – равнодушно спрашиваю я.

— Так при крещении новое имя дают. У них там правило такое.

Меня вдруг охватывает непередаваемое волнение. В животе что-то подпрыгивает, и от этого сбивается дыхание. Неужели у меня есть имя, которое я не знаю, и которое не использует мама? Может, это оно, то самое, которое я уже давно ищу?

— И что за имя мне дали? – осторожно спрашиваю я, старательно скрывая свое волнение, но мама не обращает на меня внимания.

— Не помню, — пожимает она плечом. – Ладно, снимай!

Я стаскиваю с себя сорочку, перебирая в голове все возможные короткие и грубые имена. Но к моменту, когда сорочка снята, я понимаю, что мне не нужно гадать.

— И что, теперь мне ещё одно новое имя дадут? – на всякий случай уточняю я.

— Наверняка дадут, — кивает мама. – Только ты попу не говори, что тебя уже крестили. А то он откажется, а нам трое суток ехать.

Вскоре приходит Наташка, наша соседка. Я не понимаю, почему они дружат. Наташка кажется мне плохой и грубой женщиной, которая очень громко разговаривает. А ещё они часто с мамой ссорятся и ругаются матом, а потом вредничают друг другу. Но временами им вместе очень хорошо, и они много смеются. А когда маме хорошо, и мне хорошо.

— Ты где таскалась! – с ходу заявляет Наташка маме. – Не похоже, чтобы ты всю ночь работала! С мужиками, небось, развлекалась, грязная шлю*а!?

— Ой, да отстань ты, — хихикает мама. — Лучше покажи, что ты к кофе принесла. Иди, мышь, отсюда!

— Можно я телевизор включу?

— Нет.

— Пожалуйста...

Наташка смотрит на меня с недоумением.

— Я сказала, нет! – прикрикивает мама. — Иди отсюда! У, выродок....

Я с печальным видом ухожу, напоследок бросаю на маму жалостливый взгляд в надежде всё же добиться разрешения. Но мама уже не смотрит на меня, а достает чашки для кофе.

— Какая же она все-таки у тебя страшная, — говорит Наташка. Я успеваю заметить, что в руках у нее большая шоколадка. Возможно, и мне достанется кусочек. Эта мысль немного подбадривает, а Наташку я стараюсь не слушать. – Прямо вот, знаешь, уродина, прости, конечно. Ни внешности, ни вкуса, в натуре серая мышь!

— А я что говорю, — смеется мама.

Я беру наугад книгу. Оказывается, Куприн, «Гранатовый браслет». Что ж, почитаем, что там за история. Я забираюсь с ногами в кресло, и Фока сразу запрыгивает ко мне. Я начинаю читать вслух, а она мурлыкать. Краем уха слышу, что мама бухает турку на плиту, включает конфорку.

— Не перестаю поражаться, — громко, на всю квартиру, говорит Наташка, — что у такой бабы, как ты, такая уродливая дочь!

— Так ты папашу ее видела?

— Да каким бы ни был! Ты вон какая красotka! А Василина твоя просто бледная поганка! Да к тому же вечно дерганная, вся какая-то молчаливая, угловатая. Ты ее поколачиваешь, что ли? Затюкала ее.... Теперь не выйдет из нее красивой бабы!

— Не выйдет, — соглашается мама. – Но мне и не надо. Если предложения будут, замуж отдам. Но она все равно при мне останется.

— Как это? – удивляется Наташка. – Уже за мужиком будет.

— Справлюсь как-нибудь. Не родился еще такой мужик... А ее я для себя рожала.

Я изо всех сил стараюсь не слушать взрослые разговоры. Обычно, если я их слушаю, потом у меня много вопросов, а мама такие вопросы не любит. Я склоняюсь к Фоке и сосредотачиваюсь на чтении. Но громкие голоса все равно отвлекают.

— А что у тебя там пятно рыжее? – возмущенно восклицает Наташка.

— Это после пожара. Я тебе что, не рассказывала?

До меня долетает аромат кофе, и мне ярко и отчетливо вспоминается запах гари, который долго стоял в квартире после пожара и немного остался даже после ремонта. Наташка почему-то смеется, а затем спрашивает:

— И как же ты умудрилась квартиру спалить?

— Не я это, — отвечает мама. – Девка, дочь одного зека, с дружкой забралась, пока я на работе была, а мыш в школе. Они на кухне костер развели. Благо, дура,

забыла окна открыть. Все просто истлело, и кот задохнулся.

— Это что же ты ей такого сделала?! – опять, не понятно почему, смеется Наташка.

— Я? – удивляется мама. – Эта девка — дрянь! А я — святая женщина! Одинокая мать двоих детей! Скоро ветерана получу.

Они обе залиvistо смеются, и я улыбаюсь, радуясь хорошему настроению мамы.

— А ты видела, что эта....

Мне, наконец, удастся ускользнуть в книгу. Мир преобразается и открывается новая картина: а там море, и туман, и все куда-то едут.

Крещение.

Воскресенье. Мы стоим в церкви. На голове у меня платок. Я одета в простое платье и сапоги. Верхнюю одежду мы уже сняли и оставили на вешалке и теперь ждем, когда нам скажут, где можно переодеться в крестильные сорочки. Мама не громко говорит со священником, который выглядит строгим и собранным. Он то и дело бросает на нас быстрый взгляд и почесывает небольшую бороду. В церкви почти нет людей. Когда мы пришли, их было много, но все куда-то ушли. Я смотрю на распятие. На нём мертвый Христос. О Нем я читала в детской Библии. Он воскрес! Дома у меня есть изображение Христа, но на нем Он живой, а здесь мертвый. У меня внутри странные чувства, они как будто очень знакомые и совсем незнакомые одновременно. Это похоже на реку, вдоль которой ты ходишь каждый день, но на том берегу никогда не был. Мне трудно это чувствовать, и я вспоминаю, что скоро узнаю свое другое имя. От этой мысли появляется радость, но только пока я вновь не смотрю на Христа. Зачем же Его так оставили, ведь Бог давно Его воскресил?

Мама что-то шепчет священнику. Он коротко смеется и говорит:

— Таким взрослым сорочки не нужны. Их уже в купель не посадишь.

Я оглядываюсь на двоюродную сестру Надю, которая стоит рядом. Она старше

меня, выше и точно тяжелее. Надя тоже едет с нами на юг, и ей тоже нужна хорошая примета в дорогу. Я не знаю, что такое купель, и не уверена, что я уже взрослая, но Надя точно такая. Она уже девушка, к тому же очень красивая и гордая. Мы с Надей почти не общаемся, а когда общаемся, она говорит мне разные гадости, будто я чем-то ее обидела. Я не понимаю, зачем она это делает, и стараюсь не замечать. Мама говорит, что Надя мне завидует, ведь у меня такая хорошая мама, а у неё тетя Катя. Мама говорит, что Надя часто просит её удочерить, но мама не может, потому что у неё уже есть я.

— Как это не посадишь? – возмущается мама. – Раз нужно сажать, сажай!

— Так, — вздыхает священник. – Креститься будем?

— Без купели? Разве это крещение?

— Крещение. А если хотели в купель, нужно было младенцем нести. А таких крестят, как взрослых. Они и есть взрослые... Имена и когда день рождения?

Мама говорит наши с Надей имена и даты, и священник куда-то уходит, оставляя нас одних.

— Все эти попы еще те выродки, — ворчит мама. – Ни одному из них не верю. А ты помалкивай! – она грозит мне пальцем. Я понимаю, что это касается факта, что бабушка меня уже крестила, как раз в младенчестве.

— Тетя, это надолго? — капризно спрашивает Надя.

— Всем цыц! – цыкает мама и грозно смотрит то на меня, то на Надю.

— Так, — вздыхает священник. – Ты Надеждой так и остаешься, а Василины нет, будешь теперь Вассой....

— Точно! – радостно перебивает его мама.

— В честь Вассы Алонской, — заканчивает священник. – Так, туда идите. – Он указывает нам в левую часть храма, и мы послушно передвигаемся туда. Начинается крещение. Я ничего не слушаю и не понимаю. Только очень быстро мне

становится спокойно. Слезы неторопливо текут из глаз по щекам, по шее. От них нет боли, они приносят какое-то новое, незнакомое облегчение. Появляется чувство, что вот сейчас я поплачу, и все пройдет, точно дурной сон развеется. У священника в руках чаша на цепочке, откуда идет дым и аромат. От него у меня кружится голова. Я смотрю на Христа:

— Здравствуй, — шепчу Ему я, — меня зовут Васса.

— Тихо ты! – одергивает меня мама.

— Расскажи мне про Бога, — прошу я маму, как только мы усаживаемся в автобусе. У меня под одеждой новенький латунный крестик на веревочке и все еще мокрая голова под шапкой. Вокруг носа и одежды витает аромат из чаши священника.

— Про Бога? – смеется Надя. Она машет на меня рукой и отворачивается к окну.

— А что тебе рассказать? – удивляется мама. – Ты же там сама читала...

— Откуда Он пришел? Где Он живет? Чего Он хочет?

— Пфф! – фыркает мама. – Вечно ты несешь какую-то чушь!

— Это точно! – подтверждает Надя и смеется.

— Зачем же тебе знать, чего хочет Бог?

— Чтобы попытаться исполнить Его желание, — говорю я, но тут же глохну от смеха мамы и Нади.

— Дура! – говорит мама.

— Точно, — поддакивает Надя.

Я вижу, что и другие люди, едущие в автобусе, улыбаются и отводят глаза. Я чувствую сильное смущение и потому замолкаю, уставившись на свои руки. Не понимаю, за что меня обозвали, не понимаю, что смешного в моих вопросах? Может быть, у Бога нет желаний, а они об этом знают? Могли бы просто сказать. На ногтях у меня прилип воск, и теперь я скатываю его в комочек и прячу в карман, чтобы потом показать Фоке.

Минин.

Сегодня суббота. На часах почти полдень. Мама спит. Она пришла с суток. Последний час я читала, сначала вслух маме, потом про себя. Теперь я сижу на своем кресле и наблюдаю за тем, как она дышит. Её грудь равномерно вздымается, волосы разбросаны по подушке. Я уже не понимаю, хочу ли я, чтобы она проснулась. Я мысленно повторяю имя «Васса» снова и снова. Трудно передать эту тихую радость, которая стоит рядом с моим новым именем. Это лучший подарок на мой день рождения, но я об этом никому не скажу, только Фоке.

Мне хочется есть. Я тихонечко слезаю, на цыпочках выхожу в прихожую. Вижу Фоку. Моя бедная девочка сидит у двери. У неё жалобный взгляд, и она издает слабое: «Мяу»

Мне становится за неё очень обидно, и хочется ей помочь. Я прикрываю дверь в большую комнату, надеваю сапоги и накидываю пальто:

— Ты ведь не убежишь? – серьезно спрашиваю я Фоку. – Ты только поправилась. — Она смотрит на меня пронзительно и преданно. Я беру её на руки, прикрываю пальто и тихо открываю входную дверь. Как только мы оказываемся в общем коридоре, Фока обхватывает мою шею лапами так крепко, что я понимаю – она боится. Я немного стою с ней на месте, пока она не начинает с любопытством озираться. Затем иду к лифтам, потом на общий балкон.

На улице конец апреля. Скоро мой день рождения, а потом мы с мамой, с братом и Надей поедem на юг. Фоку с собой не берем, она остается у Наташки, но, вроде, они ладят. Фока сидит у меня на правой руке. Она вся вытянулась в струнку, оглядывается, водит носом. Уши у неё крутятся, как локаторы, в разные стороны, глаза большие, с круглыми зрачками. Но больше всего мне нравится её нос, который стал ярко-розовым от волнения. Я не могу удержаться и чмокаю её. В ответ она тычет носом мне в правую ноздрю. Фока не только испугана, она увлечена. Я с интересом изучаю её новую манеру. Кажется, ей хочется исследовать

мир. Может быть, её уход из дома не только испугал её, но и что-то открыл ей? А что, если она вернулась только из-за меня? Что, если она вернулась, чтобы позвать меня с собой? Может быть, мир не такой уж ужасный, как говорит мама. Что, если ужасными могут быть только люди, а мир всегда прекрасен? Или это опять чушь, которую я вечно несу?

— Это что у тебя, кот? – слышу я знакомый голос. Смотрю вниз и вижу Минина, который остановился у моего подъезда и смотрит на нас с Фокой, задрал голову.

— Да, кошка, — говорю я. – Её Фока зовут. А ты чего здесь делаешь?

— Гуляю, — пожимает плечами Минин. – Можно я поднимусь?

Я думаю, что Минин не хочет драться. Он выглядит скромным и грустным. Что-то в его лице вызывает во мне доверие, и я говорю:

— Как хочешь, — и пожимаю плечами.

Он быстро исчезает на черной лестнице и вот уже стоит рядом со мной на втором этаже, на общем балконе. Он с интересом смотрит на мою Фоку. Она же не обращает на него внимания, продолжает оглядываться и принюхиваться, все так же крепко обнимая мою шею.

— Больше на кота похожа, — серьезно говорит Минин. – И имя какое-то ... Фока? Странное...

— А это все связано, — говорю я.

— Чего связано? – не понимает Минин.

— Мама сначала думала, что Фока — кот, и назвала её в честь какого-то злодея Фокса, — поясняю я. — А потом мы были у ветеринара, и он сказал, что Фокс на самом деле девочка, и она стала Фокой.

— Хм, — усмехается Минин. – Бывает же глупость. Как же вы не увидели?

— Ты же сам сказал, что она на кота похожа! – возмущаюсь я.

— Да это я так..., — бубнит Минин.

Я чувствую, что рука уже затекает, и пересаживаю Фоку на другую сторону. Я рада, что она не пытается бежать, как говорила мама. Минин гладит её по голове. Фока нюхает его руку.

— Я тоже хотел кошку или собаку, — говорит он. – Но мне нельзя.

— Почему?

— Мама говорит, что я бестолковый и бесполезный, как мой отец, и не смогу ни о ком заботиться. Папка у меня в тюрьме. Мамка меня колотит все время, говорит, что это для моей же пользы. А я домой не хочу.

Минин кладет руки на перила и пристраивает сверху голову. Он не сводит глаз с Фоки и выглядит печальным. Чем-то необъяснимым он напоминает мне Ивана Николаевича.

– Только знаешь, мне кажется, я и на улице смогу. Мне кажется, я победитель, пусть и бесполезный. Но бывает..., — он прерывается, плюет с балкона, улыбается, когда слюна ударяется об асфальт и издаёт шлепок.

— Что бывает? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня с прищуром, будто оценивает, потом одобрительно кивает:

— Бывает, — говорит он, — я хочу стать кем-то другим. Родится у других родителей, быть не собой, а Сашкой, например. Сашкам часто везет, правда?

— Пожалуй, — соглашаюсь я, думая о брате, которого мама очень любит. Мне становится жаль Минина. У меня хотя бы есть Фока.

— Знаешь, Минин, — говорю я. – Ты прости, что я грубой была. Кажется, мы похожи. Хочешь, будем дружить. Но ты всё равно, зря к Смирнову пристаёшь, он не плохой. У него тоже папы нет.

Минин кивает, через секунду добавляет:

— Ян.

— Что? – не понимаю я.

— Меня зовут Ян, — говорит он.

Я удивлённо смотрю на него, а он выпрямляется и кивает:

— Да, я знаю, повезло нам с именами.

И вдруг меня разбирает невероятное веселье, и я начинаю смеяться. Начинает смеяться и Ян. Смех у него рваный, похож на собачий лай, и от этого мне ещё смешнее. Фока испуганно впирается в меня когтями. Я взвизгиваю, но всё равно хохочу и не могу остановиться.

Вскоре Ян уходит. Через пару лет он попадёт в колонию за драку и уже не выйдет оттуда, потому, что не сможет победить героин. А я остаюсь, пока ещё с Фокой на руках. Что готовит мне этот мир, если его истоки в руках моей мамы? Неужели она права, и деньги здесь самое главное? А может, права бабушка? Но хватит ли мне сил перевалить за вторую половину, чтобы встретить моих золотых птиц? Я не знаю. Но если я сама не постараюсь узнать, никто мне не расскажет. Бабушка сказала, что самое главное — оставаться добрым человеком, ведь всё всегда возвращается, а иногда во много раз больше.

Рассвет.

Мне снится сон. В нём моя мама — королева индейцев. Она носит шкуру тигра, и её голову украшает огромная корона из перьев. Она — сильный и красивый вождь, и все в её племени уважают её и боятся. Я её дочь, но она об этом не помнит. Что-то случилось с ней ещё до рождения, а может, сразу после. Она видит во мне врага и хочет меня убить. Почти весь сон я бегу прочь, через колючие деревья и страшные овраги, бегу до тех пор, пока чёрная пантера с белыми крыльями не уносит меня на небо.

Я просыпаюсь и слышу, что на кухне плачет мама. Она часто плачет по ночам. На подлокотнике моего кресла сидит Фока, и в рассветных сумерках апреля я вижу,

что её глаза горят зеленым. Я смотрю на неё, а она смотрит на меня. Это похоже на разговор без слов. Фока что-то передаёт мне своими светящимися глазами, но я ничего не понимаю, потому что не владею её тайнами. Я ужасно напряжена. Ноги сами тянут меня на кухню: помочь, утешить, принять удар на себя. Я люблю свою маму, но для неё это ничего не значит.

Я не знаю, как живут другие дети и мамы. Может, так живут все, и этот образ жизни — это-то, к чему все привыкли. Но я знаю, что во мне по чуть-чуть что-то умирает. Что-то действительно важное, что-то похожее на живую нить. Я хочу её сохранить, потому что мне кажется, она имеет огромное значение. Я не знаю, как это сделать. Помоги мне Боже, на Тебя вся надежда.

Всё же не могу стерпеть мамины всхлипы и опускаю ноги на холодный пол.

Посвящается Фоке и всем, кто любил и надеялся, но так и не дождался.

Петербург

8 августа 2024 год

Заключительное слово. Для тех, кто узнал в мышке себя.

Спасти себя.

Наш мир устроен так, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Это только в кино он бьет по воде и кричит о помощи. В реальности люди тонут тихо, вокруг может быть толпа, и никто не заметит. Когда тонешь душевно, когда нет сил крикнуть, ударить, заявить о себе, необходимо собраться и действовать в рамках мер безопасности.

Необходимо отделить себя от травмирующего опыта, среды, людей. Если нет возможности сделать это прямо сейчас, нужно построить план, как отделить себя, и сосредоточиться на его исполнении. Нужно поговорить с собой в моменте и дать себе четкое направление и поддержку, дать себе понимание и сочувствие. Стать опорой самому себе.

И не нужно думать, что вся жизнь такая, что она не стоит того, чтобы ее жить.

Жизнь бывает разная. Люди бывают разные. Чувства и ситуации тоже бывают разные.

Невозможно исцелиться, полагаясь только на лекарства и других людей. Корни всего спрятаны внутри сердца и внутри сознания. Так же и корни болезни, любой болезни, внутри тебя. Часто физическое страдание — лишь продолжение страдания душевного. Чтобы исцелиться, необходимо прийти внутрь себя.

Можно выбрать любой путь. Психолог, духовный наставник, сердечный друг – все будут полезны на разных этапах. И все же основная работа должна быть проделана лично тобой, лично с собой. Нужно научиться слушать себя, отделять свое от чужого и принимать все свои чувства. Забудь о том, что мужчины не плачут, а девочки терпят. Наедине с собой не нужно ничего терпеть. Наедине с собой можно ничего не бояться. Плачь столько, сколько тебе надо. Иногда будет казаться, что справиться в одиночку невозможно. Тогда иди к тому, кто сейчас может быть полезен.

Не стесняйся просить помощи и поддержки. Если сейчас человек не готов поддерживать, не стесняйся уйти, чтобы найти того, кто готов. Если никто не готов поддерживать, создай себе друга, который будет готов всегда. Это может быть игрушка, может быть сделанный тобою макет, а может, и вовсе невидимка. Их может быть столько, сколько необходимо. Не бойся выделить себе место для исцеляющей игры. Когда ты окрепнешь, все ненужное уйдет само.

Не насилуй себя. Насильников хватает в этом мире. Научись быть себе другом, быть себе любящим отцом и любящей матерью. Любящий — это тот, кто направляет тебя к твоему благополучию. Он не скажет тебе: «Напейся и забудь обо всем». Он не скажет тебе: «Все это глупость, не драматизируй». Он не скажет тебе: «Прекращай жить». Любящий будет искать пути созидания, на которых можно жить лучше и лучше с каждым днем. Лучше не значит богаче, успешнее, ярче. Лучше значит полнее, осмысленнее, перспективнее. Лучшее для тебя, не мучает тебя. Лучшее для тебя, дарит тебе улыбку.

Исцелить себя — это большая работа. Она, возможно, не кончится никогда. Но, встав однажды на этот путь, ты выберешь себя, а не того, кто пытался тебя утопить. Ты будешь прилагать усилия к себе и своей жизни и это однажды принесет тебе прекрасные плоды.

Никогда не поздно начать исцеление. Даже на пороге старости мы можем открыть

потайные люки и начать работать над тем, что мучило нас десятилетиями. Не нужно бояться внутренней боли и горечи. Эмоции и чувства — наши друзья, они лишь указывают нужное направление. Не нужно сдаваться, если сделал шаг назад. Пусть один назад, зато потом два вперед. Это твоя жизнь, опыт, борьба. Это твои достижения, ступени, триумф.

На самом деле никто не может сказать, что такое жизнь, почему все устроено так, а не иначе. Спасти себя — это еще и дать себе прочную основу, жизнеутверждающий смысл, обрести свою философию. И это тоже очень интересный этап. Кто ты? Во что ты веришь? О чем мечтаешь? Что придумали другие, а что истинно твое?

Дать себе время, проявить о себе заботу, выделить себе безопасное пространство, слушать себя без осуждения – все это первые шаги к спасению себя. Только ты можешь сделать их, поэтому спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

С любовью, Васса.

Категория

1. Повести

Дата Создания

02.11.2024

Автор

u239073